

© 2011 г. А.И. ФАЛИЛЕЕВ

# ВОПРОСЫ ЛИГУРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ. LIGURICA SUB SPECIE CELTO-LIGURICAE ET INDO-GERMANICAE\*

В работе рассматриваются лингвистические данные остатков лигурского языка и принимается взгляд тех исследователей, которые видели в лигурском два слоя: неиндоевропейский и индоевропейский (индоевропеизированный). По понятным причинам именно этому слою уделяется основное внимание. Исследование показало, что имеющиеся данные не позволяют видеть в нем так называемый язык «паракельтского» круга. Гипотеза о промежуточном положении лигурского между италийскими и кельтскими языками, принятая многими исследователями, также не находит подтверждения. Однако отрицание самого факта существования индоевропейского (или индоевропеизированного) лигурского языка, отличного от кельтского, что становится достаточно общим местом в трудах многих кельтологов последнего десятилетия, представляется неприемлемым.

Лигуры, проживавшие, согласно авторам античности, на севере современной Италии, южной Франции (и южной Швейцарии), привлекают внимание исследователей уже в течение нескольких веков. В первую очередь, они являются объектом изучения историков и археологов. При том, что количество публикаций, посвященных лигурам, с каждым годом увеличивается, они остаются одним из самых энigmatичных народов Западного Средиземноморья. О них мы получаем, подчас противоречивые, сведения от историков и географов Античности и раннего Средневековья. Сами же лигуры, как, скажем, и аквитанцы, молчат: в отличие от, к примеру, этрусков или иберов они не оставили после себя какого-либо корпуса надписей. В настоящей работе планируется остановиться на лингвистической стороне «лигурского вопроса». Вопросы лигурского языка (или языков) поднимались во многих работах, особенно итальянских лингвистов и филологов, и, похоже, пришло время предложить некоторый синтез того, что было сказано об этом идиоме за практически полуторавековую историю его изучения, при этом учитывая новые достижения в индоевропейских, и, в частности, кельтских исследованиях.

Следует начать, вероятно, с того, что этноним «лигуры», впервые упомянутый в приписанной Гесиоду генеалогической поэме «Каталог женщин» (Strab. VII, 3, 7), в разных написаниях (см. собрание свидетельств в работе [Barrauol 1999: 148–149]), достаточно хорошо представлен в трудах авторов античности. Как и следовало бы того ожидать, этнониму было предложено немало этимологий как индоевропейских, так и неиндоевропейских, степень гадательности которых, что также вполне ожидаемо, примерно сопоставима. Уже долгое время лигурский считался одним из доиндоевропейских «средиземноморских» языков, но взгляды на место лигурского внутри этой гипотетической макросемьи разнятся. Так, генетические связи лигурского и иберского подчеркивались в работах одних ученых и полностью отрицались другими (см., например, против этих связей уже [Müllenhoff 1892: 177; Kretschmer 1905: 110]; об иберских памятниках региона см. [De Hoz 2010]). Отстаиваемая рядом исследователей лигуро-

\* Автор благодарен С.В. Иванову, П.А. Кочарову, Н.Л. Сухачеву и С.Р. Тохтасьеву за комментарии, любезно высказанные при прочтении ранней версии этой статьи.

этрусская общность, как отмечал еще Н.Н. Залесский [Залесский 1958: 59], «пока что покоится не на фактах, а главным образом на презумпции существования в Средиземноморье родственных неиндоевропейских языков». Лигурско-кавказские связи подчеркивались Й. Хубшмидом в его известной работе [Hubschmid 1967: 270–275], однако и эта точка зрения не была принята подавляющим большинством исследователей. Лигуры признавались индоевропейцами (см. уже [D'Arbois de Jubainville 1894]) и даже собственно кельтским племенем (resp. группой племен), ср. [Cuno 1873]. Примечательно, что в последнее время появилось немало исследований, отстаивающих именно эту точку зрения, к анализу которых придется обратиться ниже. В дальнейшем лигурские (точнее, «кельто-лигурские», об этом понятии см. далее) данные были использованы и в построении «иллирийской теории», см. обсуждение этого вопроса в [Mees 2003: 17 ff.]. Существуют и более сложные схемы: так, по мнению некоторых ученых (ср. [Pisani 1953: 267 ff.; Georgiev 1981: 302; Tagliavini 1972: 90]), в лигурском надо различать два слоя: ранний (неиндоевропейский) и поздний (индоевропейский или, в другой концепции, индоевропеизированный). Индоевропейский слой в лигурском – с теми или иными оговорками – признавал целый ряд исследователей, см. [PID: 154, 158] с приведенной там библиографией. Согласно другой точке зрения, скудность имеющегося материала и известные противоречивые подходы в его интерпретации делают подобную гипотезу весьма уязвимой, см. [Evans 1979: 517–518 (библ.)]. Ф. Бальди [Baldi 1983: 166] считает лигурский «вероятно индоевропейским» («probably Indo-European»), при этом отмечая, что особых связей с другими языками этой семьи, включая итальянский и кельтский, для него не установлено. Впрочем, при рассмотрении лигурской проблемы не следует забывать и слова К. Жулиана, сказанные им в отношении лигуров более века тому назад: «De l'unité de nom, ne concluons pas à l'unité de race» и «L'unité de l'idiome ne prouve pas davantage l'unité de l'ascendance» [Jullian 1908: 119–120]. В этой связи можно привести и более сложное определение вопроса: «я считаю необходимым дифференцировать народ, называемый лигурами, который обитал в Римском regio Liguria, чья культурная самостоятельность очевидна, и который, возможно, говорил и на некотором и.-е. языке, о котором мы так мало знаем, и связанную с ним (общей) культурой неоднородную группу племен, возможно говоривших на разных языках, которая проживала на территории от Арно до Роны и даже, возможно, на северо-востоке Испании. Мы можем говорить о лигурах в узком и широком смысле слова» [Gorrochategui 2005: 175], ср. также [De Hoz 2010: 642].

Исходя из сведений античных источников территория распространения лигурских племен определяется следующим образом. На северо-востоке она доходила до Поебени и реки Тицинус (Ticinus, Liv. V, 35, 2). На юге ареал проживания лигуров распространялся до Этрурии, до совр. Пизы (согласно Юстину, Just. XX, 1, 11) или Пизы и Арртиума (так Полибий, Polyb. II, 16, 1f.), а согласно сложному фрагменту Скилакса (3), лигуры, возможно, проживали и в регионе Арно. Об их присутствии на территории Лациума и Рима рассказано в нескольких источниках (Festus, Serv. Ad Aen. XI, 317, Dion. Hal. I, 10, 3). Противоречива информация о западной границе расселения этих племен. Многие авторы упоминают, что Массалия (совр. Марсель) находится на лигурских территориях (Гекатей у Steph. Byz. s.v., Tim в Skymn 209, Justin. XLIII, 3.4.), а Скилакс (3) сообщает, что лигуры жили попеременно с иберами на правом берегу реки Роны, в то время как Авьен (Or. Mar. 612) указывает на реку Оранус (совр. Lez близ Монпелье) как границу между иберскими и лигурскими племенами. Лигуров также находят историки и на Пиренейском полуострове, см. библиографию в [Untermann 2006: 1760–1761]. Согласно Филистосу (Dion. Hal. I, 22, 4f, ср. Steph. Byz. s.v. Sikelia), древние насельники Сицилии – сикелы – являются лигурским народом (ср. [Tagliavini 1972: 84, библ.]), так же как и ранние жители Корсики (Cons. Ad Helv. 7, Solin 3, 3)<sup>1</sup>. Для определения территории, занимаемой лигурскими племенами, были использованы

<sup>1</sup> См. [Müllenhoff 1892: 173–177; D'Arbois de Jubainville 1894: 10 ff.; PID: 147–149; Krahe 1936: 249–250; Залесский 1958; Bats 2003: 147–153].

и данные топонимии (см. уже [D'Arbois de Jubainville 1894: 48 ff.]), благодаря чему этот ареал значительно расширился. Так, К. Жулиан находил лигурские следы даже в Нормандии, и лигурское присутствие постулировалось и для ряда территорий юга Германии (см. весьма критическое мнение по этому поводу в [Krahe 1936: 252], где приводится соответствующая библиография). Лигурскую топонимку находили также и в Лузитании; критический обзор соответствующих работ см. в [Curchin 2009: 239 ff.].

Проанализировав исторические свидетельства, хронологическая неоднородность которых очевидна, Г. Барруол [Barrauol 1999: 153–154] предложил следующую схему их анализа, которая – весьма осторожно – может способствовать уточнению географического ареала, занимаемого лигурами в доримскую и римскую эпоху. До основания Массалии это племя (или, скорее, группа племен) было, похоже, уже известно грекам (возможно, благодаря родосцам, осваивающим западно-Средиземноморье уже в VII в. до н. э.). В VI–V вв. их территории простирались, по крайней мере, до устья реки Атакс. Источники последующих двух веков более обильны и позволяют уже очертить более широкую территорию – от западных Альп до Леманского озера, от р. По до р. Арно и долины Роны. И, наконец, после усиления кельтского населения в долине Роны и По, равно как и этрусской экспансии, в работах авторов древности возникает значительно более ограниченная территория (собственно, альпийские земли), изящно названная Барруолем «маленькой Лигурией».

Благодаря нескольким авторам древности известно, что лигуры отличались от соседствующих племен – как от иберов (уже Псевдо-Скилак, *Periplus* 3 и 4), так и от кельтов (Апполоний Родосский, *Аргонавтика* 4, 646–647). Мы, как кажется, не знаем ни одного использования термина «ибро-лигур». Понятие же «кельто-лигуры» мы находим впервые у Псевдо-Аристотеля (*de mir. Ausc.* 85), который в этом же фрагменте упоминает и кельтов. И лигуров, и кельто-лигуров мы встречаем у Плутарха (*Paul-Emile* 5, 6). Оба эти автора не дают никакой точной собственно географической информации. В этой связи представляет значительный интерес следующий фрагмент из Страбона (IV, 6, 3): «Древние греческие писатели называют саллиев “лигиями”, а страну, занимаемую массалиотами, “Лигистикой”; позднейшие писатели называют их “кельтолигиями” и присоединяют к их области всю равнину вплоть до Луериона и Родана, страну, обитатели которой, разделенные на десять частей, выставляли войско, состоящее не только из пехоты, но и из конницы. Эти племена римляне покорили первыми из заальпийских кельтов, хотя им пришлось долго воевать с ними и с лигурами, ибо последние заградили проходы, ведущие в Иберию вдоль побережья»<sup>2</sup>. Хронологический аспект этого свидетельства, как кажется, очевиден, и появление термина «кельто-лигуры / кельто-лигии» необходимо ассоциировать с появлением заальпийских кельтов на этих территориях.

Кроме собственно термина «кельто-лигуры» / «кельто-лигии» в этой связи также следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство: в текстах авторов античности одно и то же племя могло называться и лигурским, и галльским, и даже «полу-галльским»; см. ниже обсуждение *\*sasiām* и приведенные Г. Барруолем [Barrauol 1999: 162–163] ссылки на другие фрагменты работ ранних историков. Конечно, соотношение одного и того же (варварского) племени или группы племен с различными этносами и/или языковыми группами в ранних источниках является достаточно общим местом, касается ли это народов, проживающих на Иберийском полуострове или на Балканах. Также давно и хорошо известно, что языковая и этническая атрибуция племени не стоит в прямой связи с языковой принадлежностью этнонима, в том числе и по той причине, что нередко одним названием обозначается гетерогенное (и лингвистически, и этнически) население одного ареала, лучшей чему иллюстрацией может послужить история скордисков (см. [Фалилеев, в печати]). Можно в этой связи напомнить и о том, что один из фрагментарных древних кельтских языков, данные которого будут рассматриваться ниже, – лепонтийский – в истории филологической мысли назывался

<sup>2</sup> Страбон. География / Пер. Г.А. Стратановского; общ. ред. С.Л. Утченко. М., 1964. С. 192–193. Ниже переводы даются именно по этому изданию.

кельто-лигурским; см. [PID: 65 ff.] и полную библиографию вопроса в [Schmidt 1983: 68], ср. [Lejeune 1971] и [Evans 1979: 518–520]. Примечательно (и досадно), что сам этноним «лигуры» недавно получил собственно кельтскую этимологию. Рассматривая кельтские племенные названия, отображающие историю племен («history of the tribes involved»), П. Де Бернардо Штемпель приводит здесь же цепочку *Ligures* < \**Liguses* < \*(s)*lig-us-es* и объясняет это название как ‘победившие, выигрывавшие’ ([De Bernardo Stempel 2008: 109]; иную этимологию – к кельтск. \**lig-* ‘ударять’ находим в более раннем труде этой исследовательницы [De Bernardo Stempel 2006: 46]). Этот курьез можно, по-видимому, оставить без комментариев; ссылки на (некельтские) этимологии этнонима, по объективным причинам -- более или менее гадательные, представлены в работах [Bats 2003: 148; Thollard 2009: 130]. Рассматривая этот круг вопросов, следует отметить и известный пассаж Плиния (HN III, 17, 124), в котором автор «Естественной истории» не соглашается с взглядом Катона на лигурские ассоциации одного из племен. По этому поводу Г. Барруоль [Barrauol 1999: 162] высказал, как представляется, достаточно разумное предположение: для Катона в рассматриваемом контексте понятие «лигурский» имело скорее географическое, нежели этническое / языковое содержание. Примечательно, что именно географическая составляющая традиционно играла важную роль в определении «лигурского вопроса», ср., например [Pisani 1953: 267]. В этом отношении также немаловажно, что этноним *verlamocogī* имеет отчетливо кельтскую этимологию и означает ‘самые лучшие (или высокие) войска’ *vel sim.* (ср. [De Bernardo Stempel 2008a: 107 (библ.)]), а известное еще Цезарю (Caes BG I, 10, 5) племенное название *vosontii* также позволяет кельтскую интерпретацию, хотя детали остаются не до конца выясненными, см. [DCC, s. vv].

Существует несколько интерпретаций термина «кельто-лигуры». Для части исследователей (как, например, А. Хольдера [Holder I: 976]) он имеет чисто географическую коннотацию – собственно кельты, проживающие на лигурских территориях. Любопытно, что именно на такой интерпретации соответствующих латинских композитов настаивают и лингвисты [Fruyt 2002: 267]. Другие ученые, например [Kretschmer 1905: 111] (ср. уже [Cupo 1873: 195]), являются сторонниками этнической интерпретации и говорят о смешанном кельто-лигурском населении. В этой связи, несомненно, стоит вспомнить и о сопоставимых понятиях «кельтиберы» и «кельтоскифы» и, как представляется, на сегодняшний день первая точка зрения разделяется большинством исследователей. Так, кельтиберы – это группа племен, говорившая на одном из диалектов «древнекельтского» (об этом понятии см. [Калыгин, Королёв 1989: 6]) и находившаяся в Иберии. Хотя в своей письменности кельтиберы использовали так называемый «иберский» алфавит, ни о каком смешении языков (и археологических культур) речи быть не может. При том, что кельты проникали на территорию Скифии<sup>3</sup> (возможно, даже на берега Меотиды, см. [Фалилесв 2009а: 287–292]), нам неизвестен ни один памятник «кельтоскифского» языка, а археологи настаивают на том, что признаков смешения соответствующих культур (за исключением комплекса мужских погребений могильника Чаплин) не обнаруживается; см. [Ерёменко, Щукин 1992: 108]. В этой связи представляется уместным привести слова А.А. Королёва: «по-видимому, можно говорить даже о своеобразной моде у таких авторов, как Полибий, Страбон и Диодор Сицилийский, любивших везде усматривать “этнографических кентавров” – кельтиберов, кельтолигуров, кельтоскифов и т. п.» [Калыгин, Королёв 1989: 54]. В каком-то смысле такой подход, конечно, является несколько упрощенным – в последнее время появилось немало работ, посвященных анализу «этнографических кентавров», см., например [Bats 2003: 158 ff.] с приведенной обширной библиографией. Следует также обратить внимание и на то, что, как было отмечено, частотность использования термина «кельто-лигур» значительно уступает частотности использования термина «кельтибер»; см. [Thollard

<sup>3</sup> Ср. свидетельство Плутарха (Marius XI): «здесь кельты и скифы смешиваются <...> И хотя каждая часть племени носит свое имя, все войско носит общее имя – кельтоскифы», *Плутарх. Гай Марий* / Пер. С. Ошерова // Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 1. М., 1986. С. 516.

2009: 130], где он назван «анекдотичным». Понятно, что в связи с вышесказанным в работах филологов и историков не может не наблюдаться определенной путаницы, которую многие исследователи пытались преодолеть, см., например [Lejeune 1972; Prosdocimi 1987: 561].

Впрочем, археологи достаточно уверенно выделяют кельто-лигурскую конфедерацию салиев или салувиев (*salyeni*, *saluvii*) с центром в Энтримонте во французском Провансе недалеко от современного Экс-ан-Прованса (*Aix-en-Provence*), населенного с IV в. и разрушенного римлянами в 125–123 гг. до н. э., см. [Cunliffe 1988: 48–49]<sup>4</sup>. Примечательно, что это племенное название недавно получило кельтскую лингвистическую интерпретацию [De Bernardo Stempel 2006a: 46], в достоверности которой, однако, можно сильно сомневаться, см. ниже. Следует также не упускать из вида и еще один подход к решению этого вопроса, условно называемый «не...не», то есть не кельты и не лигуры, используемый рядом археологов, см. библиографию в [Thollard 2009: 126]. В археологической литературе также частотны упоминания о кельто-лигурском искусстве. При этом нельзя забывать, что археологи связывают «лигурский этнос» с эпохой средней бронзы [Del Lucchese, Gambari 2006 (библиографию)], в то время как появление кельтов на этих территориях археологически датируется более поздним временем, см. [Agostinetti 2004 (библиографию)].

Что же касается собственно лингвистической составляющей этого вопроса, то следует отметить, что теория о «кельтской» сущности лигуров, появившаяся уже (по крайней мере) в последней трети XIX века (ср. [Cuno 1873]), получила столетие спустя новое развитие. Можно в этой связи также напомнить о том, что еще в прошлом веке многие ученые полагали, что лигуры говорили на том же языке, что и галлы. В веке нынешнем сходные взгляды начали весьма активно высказывать и лингвисты. Так, согласно К. Деламарру [Delamarre 2006: 36–37], термин «лигуры» означает «народы первых кельтских вторжений на юг Европы». Для П. Де Бернардо Штемпель [De Bernardo Stempel 2006a: 45–48; 2006a: 47–49] лигурский (кельто-лигурский) и есть ранний диалект кельтского. Согласно взглядам этой исследовательницы, вместе с кельтским диалектом древней Испании «кельто-лигурский» относится к первой фазе истории развития кельтских языков, называемой ею (по географическому признаку) «герцино-секвано-тикинской», которая характеризуется, между прочим, спорадическим сохранением и.-е. *\*p* и *\*ei*, а также *\*kʷ*-. О фонетике лигурского (и кельто-лигурского) речь пойдет ниже. Тут же можно отметить, что падение и.-е. *\*p*- (или его видоизменения, в том числе, и в интервокальной позиции) продолжает оставаться одним из основных показателей вычленения собственно кельтского из позднеиндоевропейских диалектов (см. библиографию в [Фалилеев 2006] и ср. [Sims-Williams 2007: 310]), и уже поэтому подход Де Бернардо Штемпель к этой проблематике можно расценивать как неудачный. Более того, как будет показано ниже, эта исследовательница предлагает видеть во всех топонимах ареала кельтские географические названия (ср., например [De Bernardo Stempel 2005b: 106], где кельтскими признаны *Dertona* и *Gaumellon*), что сопряжено со значительной произвольностью лингвистического анализа.

Тут следует отметить и еще один традиционный аргумент в пользу кельтского компонента «лигурского этноса» – некоторые имена лигуров, в том числе и их предводителей, рассматривались как кельтские (или сходно выглядящие), как, например, имя вождя салувиев *Teutomalius*, ср. уже [Cuno 1873: 197; Kretschmer 1905: 111]. При этом следует учитывать и то, что еще К. Мюлленгоф [Müllenhoff 1892: 193] отметил, что в отличие от кельтских антропонимов лигурские имена являются по преимуществу односоставными и весьма часто их финальный согласный оказывается удвоенным, ср.

<sup>4</sup> В других местах этой работы Б. Канлиф говорит о салувиях и лигурах, проживающих в это время и в этом же месте, отдельно, ср. [Cunliffe 1988: 56]. См. недавно по этому вопросу [Gorrochategui 2005: 181–182; Thollard 2009: 142–144, и карты на с. 145] и особенно [Bats 2003]. Положение, согласно которому лигуры – это «греческое имя племени саллиев» [Буданова 1991: 122], вызывает недоумение.

Vecco, Donnus, Vlattius, Vippius, Tuellius, Vecco, Mocco, Metellius, Albiccius, Cracca и т. д. Согласно П. Кречмеру [Kretschmer 1905: 124–125], однако, эти данные ни в коем случае не говорят в пользу неиндоевропейского характера лигурского языка. Более того, Кречмер отмечает, что имена лигурских предводителей Donnus и Cottius, упомянутые Страбоном (Strab. IV, 6, 6), напоминают сокращенные формы сложных галльских имен Donnotaurus и Esannekottios. Исследователь также ссылается на кельтский компендий А. Хольдера (см. [Holder s. vv.]), где приводится значительное количество аттестаций имени Donnus, а также указывает на частотность использования имени Cotto, Cottus, Cotus в галльской антропонимике. В этой связи можно отметить, что, согласно Кс. Деламарру, имена Vecco, Donnus, Vlattius, Vippius, Vecco, Meltellius, Albiccius, Craccus являются кельтскими по происхождению (см. [Delamarre 2007: 192, 88, 203, 201, 192, 132, 16, 76] соответственно с указанием на источники). Сложность выделения собственно лигурских имен неоднократно подчеркивалась исследователями (ср. [Bartuol 1999: 145 (библ.)], однако благодаря работам, прежде всего, Ю. Унтерманна (см. [Untermann 2006: 1762–1769] и приведенную там библиографию) и в этом направлении исследования лигурских лингвистических остатков был достигнут существенный прогресс. В любом случае наличие кельтских по происхождению антропонимов не делает их носителей автоматически этническими кельтами, или, точнее, людьми, для которых какой-то диалект «древнекельтского» был родным. Как отмечал П. Симс-Уильямс [Sims-Williams 1998: 7], «едва ли надо напоминать о том, что языковая принадлежность имени не обязательно соответствует языку, на котором говорит его носитель. Этому мы обязаны и многим социальным факторам <...>. Многие Шоны и Квины не говорят по-ирландски, в то время как многие Рианы и Келли говорят по-валлийски. Возможна даже обратная связь между именем и языком, на которомносящий это имя говорит». Аналогичный подход следует применять и при анализе антропонимии на периферии кельтской ойкумены, будь то Восточная Европа или Галатия, ср. [Фалилеев 2003: 214–215] и [Falileyev 2007: 255–256]. При этом следует учитывать и то, что обнаруженные в эпиграфике региона лингвистически кельтские личные имена в реальности отражают присутствие кельтских поселенцев на указанной территории.

Как мы видим, кельтско-лигурские ассоциации регулярно появляются уже более века на всем протяжении изучения лигурского языка и истории лигуров. Можно в этой связи выделить несколько аспектов применения соответствующего термина. Во-первых, «кельто-лигурскими» называли надписи в регионе современного Лугано на востоке «лигурских» территорий, которые на сегодняшний день признаются кельтскими (лепонтийскими). Во-вторых, этот же термин был применен рядом историков и археологов для обозначения результата или процесса сосуществования пришельцев-кельтов и лигуров-автохтонов, и в первую очередь – на западе лигурского мира. И, наконец, именем «кельто-лигуры» (а чаще просто «лигуры») в работах современных исследователей нередко обозначаются собственно кельтские переселенцы из трансальпийской Галлии, осевшие на этих землях. Понятно, что в рамках этой последней концепции не остается места ни для предистории лигуров, известной по археологическим исследованиям, ни для языковых реалий, ассоциируемых с лигурами.

При этом не стоит забывать, что лигурский язык относится к категории Rest- и Trümmersprachen (об этих понятиях см. [Untermann 1989] и статьи, опубликованные в [Vineis 1983]), корпус его памятников весьма ограничен, а ареал его распространения, как оказалось, является весьма подвижным. Если еще век назад исследователи полагали, что в нашем распоряжении имеются эпиграфические данные (см., например [Kretschmer 1905: 97–108]), то на сегодняшний день эти памятники единодушно интерпретируют как кельтские (собственно лепонтийские; см. выше и ср. [Калыгин, Королёв 1989: 47–53] и [Uhlich 1999]). Впрочем, еще полвека назад ряд ученых достаточно сочувственно относились к допущению, что лигуры, как и другие этносы древней Италии, могли заимствовать систему письма у этрусков, и в этой связи целый ряд надписей, преимущественно в регионе морского побережья (в частности, в районе г. Луна), рассматривался как возможно лигурские, см. [Залесский 1958: 56 (библ.)]. На сегодняшний день у этой

гипотезы иногда и появляются приверженцы, ср. [Lejeune 1971: 144] (противоположное мнение см., например, в работе [Prosdocimi 1987: 561]), однако чтение соответствующих памятников может быть настолько по объективным причинам затруднено, что никакой уверенности в том, что они действительно содержат лигурский материал, не существует, тем более, что читаемые надписи вполне допускают кельтскую интерпретацию, см. [Morandi 2004: 695 ff.] и ср. [De Bernardo Stempel 2006a: 49]. Таким образом, наши знания этого языка (или языков) основываются на достаточно фрагментарных данных: ряде глосс и ономастике.

Лишь несколько «лигурских» слов известно по цитатам из авторов древности. Самое раннее из них по фиксации – это *σίγυνναι* ‘торговцы’, зафиксированное Геродотом (V, 9 «сигиннами, впрочем, лигии, живущие к северу от Массалии, зовут мелких торговцев»<sup>5</sup>). Уже К. Мюлленгоф [Müllenhoff 1892: 191] отметил, что это слово не имеет параллелей ни в одном известном языке, а П. Кречмер [Kretschmer 1905: 120] в этой связи резонно обратил внимание на тот факт, что лексемы с этим значением не относятся к индоевропейской древности и возникли независимо друг от друга в отдельных языках, и это (несомненно верное) наблюдение исследователя предполагает, что для него форма *σίγυνναι* является собственно лигурской. Согласно же К. Жулиану [Jullian 1908: 123], в *σίγυνναι* Геродота следует видеть название племени, перешедшее в апеллятив, и в таком случае, как полагает Г. Краэ [Krahe 1936: 248], для изучения лигурского языка эта лексема оказывается бесполезной. Напомню, что в этом же фрагменте Геродот сообщает о народности сигиннов, живущей за Истром, и что жители Кипра называют этим словом копы, ср. [Frisk II: 702] (и ad hoc этимологию в [PID: 159]).

Второй «лигурский» апеллятив известен нам благодаря Плинию (HN XVIII, 141), *secale Taurini sub Alpibus asiam vocant*. Так как у этого автора (HN III, 17, 123) таурины относятся к лигурам, *antiquae Ligurum stripe* (об их лигурской принадлежности сообщает и Страбон, IV, 204), слово рассматривалось как лигурское. Оно было сопоставлено с баскским материалом, что, естественно, могло бы быть существенным аргументом в пользу неиндоевропейского происхождения лигурского языка. Впрочем, этот подход был раскритикован еще на заре лигурских штудий, в частности К. Мюлленгофом [Müllenhoff 1892: 178], а У. Стоукс [Stokes 1873–1875] высказал предположение о кельтском происхождении этого слова и его галльской атрибуции. Стоукс предложил читать его как *sasiam* (гаплогрфия, *Alpibus (s)asiam*, однако см. [OLD: 181]) и сравнил его с скрт. *sasyá-m* ‘Getreide, Feldfrucht’, авест. *hahya* и валл. *heidd* ‘ячмень’, что было с сочувствием воспринято рядом ученых, см., например [Krahe 1936: 248], Ю. Покорный в [IEW: 880; Matasović 2009: 323]; примечательно, впрочем, что мы не находим его в галльском компендиуме Кс. Деламаппа [DLG].

Как полагают (ср. [Krahe 1936: 248]), существуют и экстралингвистические факторы, позволяющие считать *(s)asiam* галльским словом – уже к 218 г. до н. э. племя таурины Тит Ливий (XXI, 38, 5) называет «полугалльским племенем» (*semigalli*). Впрочем, лексема имеет индоевропейский статус, и этот факт не может не поставить вопрос о возможности собственно лигурской атрибуции этого слова. Действительно, схожесть или абсолютная идентичность отдельных лексем в различных индоевропейских языках – явление достаточно распространенное, и, к примеру, мало кто верит, что *porcos* ‘поросенок’ из известнейшей лузитанской надписи (в асс. sg. *porcom*) является латинским, а не лузитанским словом. Согласно Ю. Покорному [IEW: 880], приведенные в свое время Стоуксом слова позволяют восстановить и.-е. протоформу *\*sasia-*, которая глоссируется в словаре как ‘Feldfrucht’. Впоследствии к этим данным был добавлен и хеттский материал (*sēsa-*). На сегодняшний день исследователи соглашаются в том, что эти индоевропейские слова восходят к общеиндоевропейскому корню со значением ‘сеять’ (*\*seh<sub>1</sub>-* [LIV: 517]), но детали их дальнейшего развития остаются дискуссион-

<sup>5</sup> Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского; общ. ред. С.Л. Утченко. Л., 1972. С. 241.

ными<sup>6</sup>. Важно в этой связи замечание Э. Хэмпса [Hampr 1985: 12], отметившего семантическое сужение в развитии этого слова в бриттских (кельтских) языках (следует также учесть, что значение хеттской лексемы остается проблематичным). Мы, к сожалению, не знаем, как в лигурском мог бы быть отражен соответствующий индоевропейский этимон (ср. здесь попытки реконструкции в работе [Pisani 1953: 278], где лексема рассматривается как лигурская), тем более, что в продолжениях индоевропейского слова имеются существенные вариации. При этом стоит отметить, что в ряде исследований слово и на самом деле рассматривается как лигурское<sup>7</sup>. Нельзя убедительно доказать и то, что *(s)asiam* является заимствованием в лигурский из кельтского, хотя кельто-лигурские контакты, если даже не говорить о смешении, кажутся несомненными. То, что оно может быть в реальности и кельтским словом, как полагал в свое время Стоукс, абсолютно подтверждается данными внутрикельтского развития.

К этому явно недостаточно впечатляющему списку вслед за многими исследователями лигурского языка можно добавить и фитоним *saliunca*, известный благодаря Диоскуриду (I, 7 (8) σαλιούγκα) *Valeriana celtica*, произраставшего в Лигурийских Альпах. Сопоставление фитонима *saliunca* с галльск. *Salicilla* (ср. лат. *salix*), предложенное Стоуксом, было не принято уже П. Кречмером [Kretschmer 1905: 120], в первую очередь по причинам семантическим, но также с учетом словообразовательного фактора, ср. также [PID: 160–161]. Таким же образом сравнение *saliunca* и топонима *Salionca* не принимается современными исследователями, см. [Gortochategui 2005: 159; Villar, Prósper 2005: 470], где принято иное морфологическое деление топонима. Важно, что слово, скорее всего, содержит типично «лигурский» (и, вероятнее всего, доиндоевропейский) суффикс, о котором см. ниже. Многие исследователи отмечали, что слово может быть как кельтским, так и лигурским, см. еще [Vetter 1926: 526]. Идея о некельтском происхождении фитонима представляется более обоснованной – и в связи с достаточно некельтской конфигурацией лексемы, и учитывая отсутствие каких-либо параллелей как в древне-, так и в новокельтских языках. Дискуссия же о том, принадлежит ли слово доиндоевропейскому слою лигурского или нет, представляется малопродуктивной.

Примечательно, что в поздних рукописях фитоним σαλιούγκα дается без начального *s-* (см. [Tomaschek 1884: 106]), что сразу заставляет нас вспомнить о проблемах рассмотренного выше *(s)asiam*. Можно в скобках напомнить здесь о том, что, согласно некоторым исследователям (ср. [Rubat Borcl 2006: 207]), в данном случае мы имеем дело с языковой закономерностью  $*s- > 0$ . Однако, как мы видели, по крайней мере часть приводимых в этой связи примеров можно объяснить собственно графическими причинами. Следует также учитывать, что итальянский исследователь не приводит в списке иллюстраций этот лигурский апеллятив, так как его интересуют только кельтские фонетические закономерности. Впрочем, с точки зрения собственно кельтской исторической фонетики постулирование этого перехода для столь раннего времени достаточно противоречиво, см. [Фалилсев 2006]. Конечно, можно было бы оторвать это «кельто-лигурское» развитие от бриттского ослабления  $*s (> h)$ , сославшись на его самостоятельность в этом раннем диалекте, однако для такого вывода данных явно недостаточно. С другой стороны, принимая во внимание сходные процессы, наблюдаемые, на первый взгляд, и в лексике, которую принято считать лигурской, в падении (начального)  $*s-$  можно было бы видеть собственно лигурскую закономерность, повлиявшую на фонетику кельтского диалекта этого региона. Однако и в этом случае наличие иных объяснений и общая скудность данных не позволяют прийти к сколь-либо надежным выводам.

Здесь же стоит упомянуть и этноним Ἀμβρόνες, который рассматривался в качестве самоназвания лигуров, и известен только благодаря Плутарху (Marius 19): «самые воинственные из варваров – амброны тоже бросились к оружию <...>, они все ярост-

<sup>6</sup> Ср., например [Mayrhofer II: 717] и [Matasović 2009: 323], где кельтские формы выводятся из протоформы с нулевой огласовкой  $*sh_s-$ .

<sup>7</sup> Ср., например [Vetter 1926: 525], Уотмо [PID: 158]; [Ernout, Meillet 1967: 51] (с сомнениями), [Georgiev 1981: 302] и Д. Адамс в [Mallory, Adams 1997: 236].

но подпрыгивали и выкрикивали “Амброны!” – то ли оклика друг друга, то ли желая таким предупреждением испугать врага. Лигуры, первыми из италийцев спустившиеся им навстречу, стали кричать в ответ, что и они, и предки их из рода в род прозывались амбронами»<sup>8</sup>. Ранние объяснения этого слова, признанного «сомнительным», см. [PID: 161]. Оставляя в стороне дискуссию, связанную с интерпретацией этого пассажа Плутарха, следует только отметить, что этноним вполне допускает кельтскую лингвистическую интерпретацию – в связи с кельтск. \**am(b)r-* ‘текущая вода’ (ср. [Mees 2003: 25]).

Некоторые ученые (например [Pisani 1953: 279], ср. [Baldi 1983: 166]), рассматривают в качестве лигурского и апеллятив *lebēris* ‘кролик’<sup>9</sup>. Исследователи (см. ссылки в [PID: 160]) даже делали попытку увидеть лигурск. *lebēris* в топонимике, объясняя им топоним *Lebriemelum*; гипотеза, впервые предложенная в 1928 г., разделяется и ныне многими исследователями, см. [Mariani 2003: 243–244] с полным морфологическим анализом географического названия и библиографией, ср. также [Rubat Borel 2006: 205]. Однако в классической филологии это слово, как и лат. *lepus*, считается заимствованием из иберского, ср. [Frisk II: 94] и см. библиографию в [Vetter 1926: 526–527]. Также лигурским словом считается у некоторых исследователей и гапакс *rauicelos* ‘*Pinus cembra*’, засвидетельствованный у Плиния (Plin. HN XV, 36), см., например [Pisani 1953: 278] и попытки его этимологического объяснения в [PID: 160]. Но и тут не все просто. Редакторы Оксфордского словаря латинского языка, скорее всего, считают его латинским и осторожно предлагают его сопоставление с лат. *raius* [OLD: 1578]. А. Эрну и А. Мейе допускают его лигурское происхождение, однако тут же указывают на возможность чтения этого слова как *agaucelos* [Ernout, Meillet 1967: 565]. По поводу сложного лигурского или иберского βαλαροί (Paus. X, 17, 9) см. [Vetter 1926: 526–527] и [PID: 161–162]. См. далее [PID: 162 ff.], где приводятся глоссы, которые рассматривались теми или иными учеными как лигурские; какой-нибудь особой уверенности в правильности их языковой атрибуции нет.

На этом список апеллятивной лигурской (и псевдолигурской) лексики, известной по античным источникам, заканчивается, однако сам список лигурских апеллятивов этими примерами по понятным причинам не ограничивается. Как известно, исследователи уже долгое время пытаются выявить аспекты влияния лигурского субстрата на формирование романских языков (см. [Tagliavini 1972: 92–93, 114 ff.] с библиографией), в том числе и в лексическом, ср., например [Vetter 1926: 529–530] и [Hubschmid 1966: 148 ff.]. Понятно, что поиск субстратной лексики (см. в более широком аспекте работу [Сухачев 2002]) в романских языках и диалектах, имеющий уже давнюю традицию, приводит к интересным результатам, однако полной уверенности, что та или иная лексема была заимствована именно из лигурского языка, как представляется, быть не может. Впрочем, разделяемый в этой работе достаточно скептический подход отнюдь не нов. В этой связи кажется уместным привести следующую цитату о сходных взглядах, которых придерживался и известный итальянский филолог эпохи Возрождения: «Клаудио Толмеи высказывает предположение о наличии этрусского слоя лексики, ассимилированного латынью <...>; однако ученый не знает методов и оснований, при помощи которых, как он сам говорит, можно было вычленил этрусский элемент, т. к. не известен исходный материал – этрусский язык» [Степанова 2000: 321]. Сдержанные романисты сходно относились к этому вопросу – достаточно вспомнить, что В. Майер-Любке помещает в одном и том же разделе индекса к своему словарю и кельтские, и «лигурские» формы, отметив, что «die Scheidung zwischen Gallisch und Ligurisch ist nicht streng durchzuführen», и тут же приводит слова с пометой «vorrömisch» [Meier-Lübke 1972: 1180]. Скептицизм по этому поводу высказывали и современные итальянские диалектологи, см., например [Azaretti 1977: 5].

<sup>8</sup> Плутарх. Гай Марий / Пер. С. Ошерова // Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 1. М., 1986. С. 523–524.

<sup>9</sup> λεβηρίς, ср. Strab. III, 2, 6 о Турдетании: «животных-вредителей здесь немного, за исключением зайчиков-землероск, которых иные называют кроликами, ибо они уничтожают и самые растения и семена, поедая корни. Эти вредители встречаются почти всюду в Иберии, вплоть до Массалии, и угрожают островам» (перевод Г.А. Стратановского, оп. cit., С. 142).

Кроме глосс, некоторые сведения об апеллятивной лексике лигурского языка мы можем получить при анализе памятников сосуществующих кельтских идиомов. Так, слово *pala*, известное в лепонтийском корпусе ([Lejeune 1971: 81–82], ср., например, раннелепонтийскую надпись из Vergiate, PelKui : Pruia : Teu : kaliTe : Palam ‘Пелкосу (или Белкосу) Дейво надгробие оградой обнес; этот самый поставил надгробный камень’ [Uhlich 1999: 300], перевод дается по работе [Шмидт 2007: 7]), считается заимствованием из лигурского субстрата. Примечательно, впрочем, что оно рассматривалось в свое время и как собственно кельтское образование (ср., например [Kretschmer 1905: 101]), однако эта гипотеза была решительно отклонена, см. [Krahe 1936: 243 (библ.)] и ср. [IEW: 545]. Было отмечено, и это немаловажно, что слово встречается и в лигурских топонимах, как, например, Vindupalis, интерпретируемом как ‘(река) с белыми камнями’<sup>10</sup>. Считалось, что лексема является доиндоевропейской, и было высказано предположение о ее заимствовании в романские диалекты, см. [Tagliavini 1972: 115 (библ.)]. Понятно, что о точном и безоговорочном ее соотношении с исключительно лигурским языковым материалом говорить не приходится. Следует, впрочем, отметить, что для многих исследователей «*pala*» все-таки остается индоевропейским словом, ср. греч. πέλλα ‘камень’, см. [Georgiev 1981: 301 (библ.)] и ср. также [Pelligrini 1983: 34–35; Mallory, Adams 1997: 548]. Таким образом, если лексема и на самом деле является лигурской, ее отношение к индоевропейскому «слою» языка отнюдь не исключено, хотя, впрочем, она может оказаться и заимствованием из доиндоевропейского субстрата, ср. также [Lejeune 1971: 87, 115]. Кроме того, лепонтийские надписи сохранили и несколько личных имен с (вероятно) «патронимическим» суффиксом *-alo/-ala-*, который рассматривался рядом исследователей как лигурский, см., например [Калыгин, Королёв 1989: 52]. Действительно, выделение суффиксов с *-l-* в лигурском имеет долгую традицию, ср. уже [Müllenhoff 1892: 183; Kretschmer 1905: 11; Vetter 1926: 528 (библ.)], однако в данном случае лигурский явно не при чем, см. [Markey, Mees 2003: 137–144].

К сожалению, как и век назад, основным нашим источником изучения лигурского языка остается топонимика очерченного выше лигурского ареала. По понятным причинам ее анализ сопряжен со значительными сложностями, вызванными, не в последнюю очередь и хронологической, и, главным образом, лингвистической гетерогенностью топонимического ландшафта. Если даже довериться авторам древности и безоговорочно принять их соотнесение того или иного географического названия с лигурским языковым материалом, то их количество оказывается в действительности весьма ограниченным. Пожалуй, самым известным из этой группы географических названий является раннее название реки По в связи с сообщением Плиния (III, 16, 122): *Ligurum quidem lingua amnem ipsum Bodincum vocari, quod significet fundo carentem*. Уже К. Мюлленгоф [Müllenhoff 1892: 191] сопоставил этот гидроним с и.-е. *\*bhudhno-* ‘Boden’, как в лат. *fundus* [IEW: 174], ср. [Mallory, Adams 1997: 247], и это сопоставление было принято в последующей литературе, см. [Kretschmer 1905: 119; Jullian 1908: 123; Krahe 1936: 248]. Детали реконструкции возводимых к этой индоевропейской протоформе слов в отдельных языках, возможно, и могут позволить рассматривать здесь и анализируемый гидроним, тем более, что для ряда соответствий, например, греч. ποθμήν, значение ‘река’ хорошо установлено, см. [Mayrhofer II: 228–229; Frisk II: 620–621; Топоров 1978]. Если принять лигурское происхождение этого гидронима, то в таком случае можно выделить суффикс *-ink-* (см., однако, [Pisani 1953: 277] и [Georgiev 1981: 302], где *\*-ŋ -ko-*; в этой связи ср. [Brugmann 1906: 484] и см. ниже).

<sup>10</sup> См. [Калыгин, Королёв 1989: 52; Pisani 1953: 279; Devoto 1962: 201; Petracco Sicardi 1981a: 75–76] с дальнейшей библиографией. Гидроним заслуживает особого внимания. С точки зрения П. Де Бернардо Штемпель, которая видит практически во всех географических названиях региона реликты самой ранней стадии истории кельтских языков, название реки является кельтским [De Bernardo Stempel 2006a: 49]. Имеются и более сложные подходы к исследованию этого гидронима, см. [Prósper 1998]. Лингвистическая атрибуция этого речного названия, которое я продолжаю считать лигурским, будет подробно рассмотрена в другой работе.

Следует тут также обратить внимание и на тот факт, что гидроним называется по-разному в других известных языковых традициях. Так, название этой же реки Ῥιδανός (см. ссылки на его упоминания в [Pape, Benseler 1911: 471]), согласно одним исследователям – греческого происхождения (так и у Плиния (HN III, 16, 117); ср. др.-греч. ῥίον ‘могильный холм, курган, могила’), однако другие ученые возводили эту форму к гидрониму Rhodanus, или предлагали еще более сложные, в том числе и субстратные, объяснения; см. [Frisk I: 643–644 (библ.)]. Не вызывающую никаких вопросов лингвистического порядка кельтскую интерпретацию этого гидронима мы находим в работе [De Bernardo Stempel 2005b: 105], ср. [Delamarre 2008]. Название же реки Πάδου (ср. попытку этимологически связать его с Bodincus в [PID: 159]) также было объяснено как кельтское П. Де Бернардо Штемпель [De Bernardo Stempel 2000: 96], из галльск. *pādos* (в генитиве). Согласно этой исследовательнице, галльский гидроним может быть возведен к *\*kʷōd-ós* ‘быстрая (река)’ или *\*kʷā-do-s* ‘the Bulging / Swelling (river)’. Однако, как уместно замечает П. Симс-Уильямс [Sims-Williams 2006: 200], еще Г. Краэ отметил краткость корневого гласного в этом гидрониме, что полностью перечеркивает возможность предложенной кельтской этимологии.

Рассмотрим в связи с анализом гидронима Bodincus кельтские географические названия этого региона и сопредельных областей, которые могут иметь в своем составе суффикс *-ink-*. Из этого списка следует по формальным признакам исключить целый ряд данных, как, например, кельтский этноним Abrincas (ср. его написания в [DCC: 37]). Согласно Г.Р. Айзаку [PNPG], он означает ‘the unreachable, the untouchables’ и содержит *\*rinco-* ‘reach, attain’ (ср. др.-ирл. *ro-icc*, *ricc* ‘reach, attain’, < и.-с. *\*pro-*, *h<sub>2</sub>enk-* ‘reach’ [LIV: 268; IEW 316–318], но интерпретируется как ‘the confluence people’ П. Де Бернардо Штемпель [De Bernardo Stempel 2008a: 106 (библ.)]. Аналогичным образом сюда не относится Durotincum (близ La Grave во Франции и Villejoubert, См. St-Denis-lès-Murs там же), который представляет собой кельтский композит *\*duro-*, *\*tinco-*; об этих компонентах см. [DCC: 18, 32]. Что же касается собственно суффикса *-ink-*, то он обнаруживается в целой группе географических названий. На территории современной Франции (в нелигурском ареале) засвидетельствованы следующие. Топоним Agedincum (совр. Sens) упомянут уже Цезарем, ср. Agedinci (Caesar BG 6, 44; Agedinci 7, 10; Agedincum (var. egedincum) 7, 59; 7, 62), и считается кельтским, ср. галльск. *\*agedo-* (так [PNPG])<sup>11</sup>. Не исключена галльская этимология и для географического названия *Reginca* (Saint-Malo), хотя компонент *\*rego-* совсем не обязательно является кельтским. Проблематичным остается и топоним Uruncis (совр. Illzach, Uruncis IA 252, 2, Virincis (var. orincis, udirincis, utirencis) 349, 5) – известное предложение выводить его из кельтского гидронима Olruna представляется весьма неудачным. Также кельтскую этимологию, похоже, имеет и Lemincum (совр. Chambéry), возводимый к *\*lēmō-incō-*, однако он находится уже в ареале распространения лигурских географических названий. Сложным для анализа остается топоним Vappincum (Gap), являющийся галльским для Кс. Деламарра, согласно которому [DLG: 438] он образован от галльск. *иеро-* ‘говорить’ с помощью суффикса *-incō-* и, возможно, означает ‘lieu des bavards, querelleurs’, что кажется не очень убедительным. В старой литературе это географическое название считается лигурским, ср. [IEW: 1149]. Следует также обратить внимание на то, что в ранней бриттской топонимике суффикс *-ink-*, похоже, не встречается.

Как известно (см. критический обзор в [Pharies 1990: 114 f.]), суффикс *-ink-* был в центре внимания романистов и индоевропейцев уже долгое время. Благодаря его частотности в исторически «лигурских» землях он был признан в свое время (индоевропейским) лигурским, см. [Philipon 1906], и эта теория немедленно получила как своих противников, так и сторонников<sup>12</sup>. Индоевропейские основы этого суффикса, известно-

<sup>11</sup> Значение и этимологию компонентов кельтских географических названий см. в [DCC].

<sup>12</sup> Сходным образом суффикс *-ank-* в западнороманских языках возводили в свое время к дороманскому индоевропейскому (лигурскому) источнику, см. обзор литературы в [Pharies 1990: 135–153]. Суффикс обнаруживается во многих и.-е. языках, в том числе и в топонимике, ср. [Villar, Prósper 2005: 435–436].

го во многих группах языков, были тщательно проанализированы, см. уже [Brugmann 1906: 484–487], где он рассматривается как распространение основ на назальный. Как мы видим, он не столь частотен в кельтских географических названиях, но весьма продуктивен в топонимии Западного Средиземноморья, в том числе и в Провансе [Philippon 1906: 3 ff]. Хотя территория собственно (итальянской) Лигурии, согласно Дж. Петракко Сикарди [Petracco Sicardi 1981: 25], даст лишь один пример его использования – рассматриваемый гидроним *Bodincus*, как представляется, кельтская этимология этого речного названия (к галльск. *\*boudo-*, *boudi-* ‘победа, трофеи’), возможность которой нередко упоминается в литературе, должна быть отклонена, в том числе и с учетом морфологического фактора.

В этой связи стоит еще раз обратить самое пристальное внимание на морфологические особенности топонимов в тех регионах, которые населяли лигуры, и в первую очередь на суффиксацию. Как и суффикс *-ink-*, суффикс *-isk-* известен во многих индоевропейских языках. В лигурском, согласно П. Кречмеру [Kretschmer 1905: 123], он используется для выражения принадлежности, в то время как в кельтском мы находим его в этнонимах с темными этимологиями и ряде достаточно сложных топонимов. Это действительно так. Для начала рассмотрим данные, которые исходят из регионов, совершенно точно не связанных с лигурским присутствием. Топоним *Alisca* (близ *Szekszárd* в современной Венгрии) традиционно рассматривался как кельтский именно в связи с суффиксом. Если он в действительности является кельтским, то для этого географического названия вполне возможна цельная кельтская этимология. Однако с точки зрения П. Анрайтера [Anreiter 2001: 205], оно вполне возможно является паннонским по происхождению. Также по этому региону (близ античного *Aquincum*) известен и этноним *Eravisci*, который рассматривался и как кельтский, и как кельтизированный паннонский [DCC: 122]. Географическое название *Isinisca* (локализовано на пути от *Pont Aeni* до *Augusta Vindelicum* в современной Германии) может содержать этот суффикс, но морфологическая структура этого топонима остается загадочной, ср. аттестации *Isunisca* [TP 3,3]; *Isinisca* [IA 236, 3; 258,9]; *Isinisca* (var. *Isinisca*) (257, 3). Находящийся немного к северу от Лугдунума (совр. Лион) *Matisco* (совр. *Mâcon*), по крайней мере, допускает кельтскую интерпретацию, к галльск. *\*matu/i-*, однако существование топонимов *Matasco* (северная Калабрия) и *Matascum* (Пьемонт, см. о них [Hubschmid 1966: 70–71]), равно как и его географическое положение, делает его кельтскую атрибуцию несколько уязвимой, о суффиксе *-ask-* см. ниже. Топоним *Labisco* на территории аллоброгов (ближайшие поселения *Augusta* и *Lemincum*) не вызывает немедленных кельтских ассоциаций (хотя галльская этимология отнюдь не исключена) и также находится в лигурском ареале.

Согласно П. Де Бернардо Штемпель, суффикс *-isk-* (или конгломерация суффиксов) в кельтских этнонимах может использоваться для обозначения выделенной из большего племенного образования группы. Этот тезис исследовательница иллюстрирует примером этнонима *Koniskoi* (Кантабрия), известного благодаря Страбону, который, впрочем, не дает никаких свидетельств о его этнической / языковой принадлежности, лишь отмечая, что племя является кантабрийским<sup>13</sup>. Де Бернардо Штемпель рассматривает это племенное название в связи с этнонимом *Konioi*, см. [De Bernardo Stempel 2008a: 113]. Следует также отметить, что многие исследователи считали это племенное название иберским (см. [Holder, s.v.]). В принципе, предложенный Де Бернардо Штемпель анализ суффикса *-isk-* может быть релевантен и для анализа восточно-европейского племени *Boisci* (см. [Фалилеев 2009a: 289–291]), однако он невозможен для интерпретации двух балканских этнонимов, *Scordisci* и *Taurisci*; см. [Фалилеев, в печати] и приведенную там библиографию. В этой связи следует обратить внимание и на название горного массива в Малой Армении *Skordiscos* (Ptol. V, 6, 7), который, скорее всего, с этнонимом напрямую не связан [Sims-Williams 2009: 463–464]. Как и в Лигурии, целый ряд топонимов на *-isk-* зафиксирован на античной карте Балкан, и многие из них были – в

<sup>13</sup> См. (Strab. III, 4, 12): «к северу от кельтиберов живут вероны, соседи кантабрийских конисков» (перевод Г.А. Стратановского, op. cit. С. 157); о лингвистическом анализе *Cantabria* см. [DCC, s. v.].

то или иное время – признаны кельтскими. Подобный подход является неоправданным (см. уже [Miailov 1987]), и эти географические названия могут относиться к различным лингвистическим слоям, выделяемым в этом регионе. Поскольку я планирую детально остановиться на проблеме лингвистической атрибуции этих топонимов в другой работе, здесь я приведу только эти названия, лишь отметив, что кельтскими они не являются и что возможна их интерпретация как латинских или автохтонных образований: Scretisca (к югу от совр. Софии), Securisca (в районе совр. г. Плевна), Transmarisca (Тутракан), древнее название совр. г. Ниш, гидронимы Oescus и Tibiskos fl. и т. д.

История индоевропейского суффикса *\*-isko-* (возможно, скорее *\*-isk'o-*, однако см. [Lubotsky 2001]) уже долгое время занимает исследователей. Его рефлексы находят в целом ряде языков, см. работу [Olsen 1999: 345–347] с недавней библиографией. Также известно, что за последовательностью *-isk-* могут скрываться и другие морфологические конфигурации, как, например, в случае с этнонимами Falis-ci и Vols-ci. Для данного же исследования важным остается то, что в зоне кельто-лигурского взаимодействия носители обоих этих идиомов располагают в своих языковых арсеналах стратегией использования производных с этим суффиксом. Однако, как было показано выше, предположение Кречмера о сложности интерпретации соответствующих кельтских данных находит подтверждение и на современном уровне сравнительно-исторического изучения кельтских языков. Таким образом, можно еще раз высказать предположение о преимущественно лигурской атрибуции достаточно многочисленных топонимов с искомым суффиксом на рассматриваемой территории.

Однако традиционно «наиболее лигурским» является суффикс *-asc-*, ср. уже [D'Arbois de Jubainville 1894: 48–63] и ср. [Vetter 1926: 528 (библ.)], и именно он оказался в центре дискуссии о предыстории лигурского языка. Индоевропейское его происхождение отстаивалось П. Кречмером, который, между прочим, объяснял его как использование суффикса *-sk-* для распространения *ā*-основ. Согласно Г. Краэ [Krahe 1936: 253], суффикс является неиндоевропейским по происхождению, однако может быть использован в гибридных образованиях. На этот счет существуют и другие мнения. Так, в связи с «древнеславянскими» построениями Г. Краэ с участием этого форманта было отмечено, что «появление таких суффиксов, как *-asc-*, является всего лишь представлением варианта вокализма приемлемого северо-западного индоевропейского суффикса *-isc-*, а аблаут в суффиксе, вызывающий это чередование, хотя и не реконструируемый для индоевропейского, мы находим, хотя и редко, в северо-западных индоевропейских диалектах» ([Mees 2003: 23], со ссылками на балтийский и германский материал). Для Ф. Бальди [Baldi 1983: 166] суффикс также является индоевропейским; примечательно, что упоминая форму Vinelasca, он выделяет в ней суффикс *\*-sk-*. С точки зрения Дж. Уотмо [PID: 155 (библ.)], *a-* в суффиксе появился благодаря аналогии: речные названия древней Италии нередко содержат суффикс *-sk-*, присоединенный к основам на *a*. Существуют и иные попытки объяснения суффикса как индоевропейского и как субстатного; ссылки на них и их анализ см. в известной работе Й. Хубшмида [Hubschmid 1967: 35–43]. Сам же этот автор, известный апологет теории средиземноморской доиндоевропейской языковой зоны, анализировал *-asco-/usco-* как неиндоевропейский и сопоставлял с ним баскские данные [Hubschmid 1967: 138–143]. Неиндоевропейским (наряду с *-osca* и *-usca*)<sup>14</sup> считал его и В. Томашек [Tomaschek 1884: 106]. Идея о «средиземноморском» распространении и происхождении суффикса, иногда трактуемого как цепочки суффиксов, отстаивалась и развивалась целым рядом ученых, см. ссылки в работе [Зеликов 2003].

Собственно лигурским и индоевропейским признавал этот суффикс В. Пизани [Pisani 1953: 278], который сопоставил его с данными других, в его терминологии,

<sup>14</sup> Топоним Tarusco (совр. Tarascon-sur-Ariège во Франции), вероятно содержащий суффикс *\*-usc-*, иногда рассматривали как кельтский, что представляется маловероятным, см. [Sims-Williams 2006: 198 fn. 27]. Можно также напомнить и о том, что кельтская этимология была предложена и для античного названия Тараскона (см. [DLG: 291]), что также малоубедительно. Вопрос о морфологической структуре этнонима Ru(i)gusci в Ретийских Альпах (и его лингвистической принадлежности) остается открытым.

средиземноморских языков. В качестве параллелей итальянский ученый приводит армянский пример (*At'en-açi* 'афинец') и также ссылается на ликийский суффикс *-azi*. Как отмечал в этой связи ярый сторонник теории лигурско-кавказских связей Й. Хубшмид [Hubschmid 1967: 143], в армянском этот суффикс мог бы быть заимствован из субстратного языка, связанного с лигурским. Однако гипотеза о субстратном происхождении армянского суффикса должна быть оставлена – лингвисты настаивают на его индоевропейском происхождении. Действительно, суффикс *-ac'i* etc. (в том числе и с семантикой принадлежности), хорошо засвидетельствован в армянском, ср. также *k'alak'ac'i* 'гражданин' при *k'alak'* 'город', см. собрание примеров в работе Б. Олсен [Olsen 1999: 348 ff.]. Исследовательница связывает его с и.-е. суффиксом *\*-isk'o-* (о котором см. выше), полагая, что в истории языка он был заменен позднее на *-ask'o-* (ср. историю генетива, датива и аблатива *a*-основ), и приводит в качестве параллели лигурск. *Bergamasco*, впрочем, не углубляясь в лигурскую проблематику, см. [Ibid.: 344–348] с обширной библиографией, учитывающей данные целого ряда и.-е. языков, и ср. также (недавно) [Untermann 2006: 1762; Olsen 2009: 125]. Примечательно, что этот подход к анализу арм. *-ac'i* очень напоминает попытку Кречмера возвести лигурск. *-ask-* к тому же и.-е. *\*-isk'o-*. Следует, впрочем, учитывать и то, что в качестве альтернативного решения этого вопроса Олсен упоминает также возможность того, что арм. *-c'* может восходить и к и.-е. *\*-tj-*, но считает возведение армянского суффикса к и.-е. *\*-isk'o-* более предпочтительным.

Топонимия Западной Европы, содержащая суффикс *-ask-*, была собрана Й. Хубшмидом и проанализирована как средиземноморская. В дальнейшем территориальный фактор позволил выделить группу географических названий предположительно лигурского происхождения с этим формантом. Показательно, что многие из них имеют откровенно производный характер, ср. гидроним *Veraglasca* и этноним *Veragri* (вероятно, кельтский по происхождению, см. [Lejeune 1972: 265]), *Tuleasca* и *Tuledu*, *Neviasca* и *Nevia*<sup>15</sup>. Топоним *Vindasca* (совр. *Venasque* во Франции) толковался по-разному, в том числе и как кельтский, и как доиндоевропейский, см. ссылки в [DCC, s.v.] и ср. [Hubschmid 1966: 61]. Географическое положение населенного пункта по крайней мере позволяет соотнести его название с лигурскими языковыми остатками региона. Можно также отметить возможную связь с гидронимом *Vindupalis*, о котором речь шла выше<sup>16</sup>. Речное название, как и топоним, может содержать лигурск. *\*vindV-* 'белый', сопоставимое с кельтск. *\*vindo-* 'id.' и, возможно, с германскими данными (см. ссылки в [Wodtke et al. 2008: 722]).

Представляется, что попытки лингвистически атрибутировать суффикс *-asko-*, наблюдаемый в (вероятно) лигурских топонимах, а *rgiogi* наталкивается на неразрешимую проблему. Действительно, как свидетельствуют данные других и.-е. языков, и в первую очередь армянского, суффикс может иметь вполне надежную индоевропейскую этимологию. Однако распространение ранних географических названий с этим суффиксом выходит далеко за границы того ареала, для которого мы предполагаем лигурское присутствие. Можно было бы, конечно, высказать гипотезу о существовании в этом значительном географическом регионе в древности иных и.-е. языков (генетически близких к лигурскому – ?), в которых этот словообразовательный формант был также продуктивен. Впрочем, оснований для подобной гипотезы, как видится, нет. В то же самое время очевидно, что отчетливо неиндоевропейские географические названия на *-asko-*, неотделимые от топонимов на *-usko-*, указывают на особый слой топонимии Западного Средиземноморья. То, что суффикс не является индоевропейским, не становится, однако, помехой (в том числе и) для его лигурской атрибуции, что, в частности, хорошо иллюстрируется возможностью оформлять с его помощью и кельтские заимствования.

<sup>15</sup> См. [De Bernardo Stempel 2009: 156]. Примечательно, что в этой же работе П. Де Бернардо Штемпель (loc. cit.) возводит *Belaïsa* (в *Contrebia Belaïsa*, совр. *Cabezo de las Minas* (Botorrita) в Испании) к *\*bel-ask-yā*.

<sup>16</sup> Сюда же относится, возможно, и топоним *Vindalium* (совр. *Mourte de Sève*).

Дальнейшая разработка этого круга вопросов сопряжена со значительными сложностями, вызванными, как представляется, с одной стороны, отсутствием сколь бы то ни было точных сведений о генетических связях языков Западного Средиземноморья, а с другой – возможной ассоциацией несопоставимых, но сходно выглядящих формантов. Последнее положение было изящно проиллюстрировано Ю.В. Откупщиковым [Откупщиков 1988: 95] на примере ряда топонимов, имеющих последовательность *-in*, выделение которой как общей морфемы, содержащейся в географических названиях *Дублин*, *Пушкин* и *Берлин* является неоправданной и смехотворной.

Объективные сложности, связанные с интерпретацией лигурских данных, суммарно дают вполне ожидаемый эффект, и скептицизм исследователей, занимающихся этой проблематикой, регулярно выплескивается на страницы академических изданий. Так, как пишет Д. Эллис Эванс, «лигурская проблема <...> до сих пор не находит удовлетворительного решения» [Evans 1979: 517], а, согласно Н.Н. Залесскому [Залесский 1958: 58], «лигурский язык – область еще более темная, чем язык этрусский». Однако, как представляется, причин уж для такого уровня скептицизма, не говоря уже о панике, нет. Рассмотренный выше фрагмент лигурского корпуса показывает, что он, очевидно, отличен от кельтского, и, по крайней мере, часть его допускает индоевропейскую интерпретацию. Другая же часть рассмотренных примеров, похоже, действительно уводит нас в неиндоевропейский мир. Таким образом, в этой работе принимается взгляд тех исследователей, которые видели в лигурском два слоя – неиндоевропейский и индоевропейский (индоевропеизированный). По понятным причинам в этой статье далее речь пойдет именно об индоевропейской стороне лигурского языкознания, анализу которой может способствовать исследование следующего фрагмента лигурского корпуса – этнонимии.

Г. Барруоль [Barrauol 1999: 139–143], собрав все известные этнонимы разного происхождения лигурских территорий на юге современной Франции и, исключив из этого списка латинские племенные названия (например, *Montani*), предложил их лингвистический анализ, уделив особое внимание морфологической структуре, а именно суффиксации. На с. 140 своего важнейшего исследования он приводит сводную таблицу рассматриваемых данных, причем кельтские этнонимы, в выделении которых Барруоль следует советам К. Гуйвонарха, оказываются специально помеченными. По понятным причинам нас не будут интересовать те графы, в которых приводятся однозначно кельтские по происхождению вторые части композитов (а не суффиксы), как, например, *-riges* (*Caturiges*) или *-corii* (*Tricorii*). Сведения же Барруолем в одном месте кельтских этнонимов на *-brigi* (*Segobrigi*) и *brogi* (*Allobroges*) неоправданно, ибо эти составные кельтского ономастикона имеют разные этимологии и, соответственно, значения. Выделение суффикса *-ares* на основании единственного примера – племенного названия *Cavares*, которое рассматривается как кельтское, но не обязательно галльское в работе [Gorrochategui 2005: 179] – совершенно неправомерно, так как оно возводится к кельтск. *\*cauaro-*.

Сложности вызывает и включение Барруолем в одну группу – с выделением суффикса *-eri-*, который он считает преимущественно кельтским [Barrauol 1999: 142] – двух этнонимов (*Suetri* и *Suelteri*), рассматриваемых как кельтские. Галльская этимология первого из них, если не сказать большего, весьма проблематична, и, в любом случае, этническое название вряд ли содержит искомый аффикс. Этноним *Suelteri* же, если он действительно является кельтским, не вполне понятен с точки зрения морфологии, см. в этой связи [DCC: 208], где приводится дальнейшая библиография. Что же касается суффикса, то он, несомненно, не является исключительно кельтским (или лигурским), см. [Sims-Williams 2006: 244]. То же самое можно сказать и про этнонимы *Sebaginni* и *Vergunni* (кельтский для Барруоля); и с точки зрения языковой принадлежности, и с точки зрения морфологического анализа эти этнические названия являются энигматическими, см. [DCC: 197, 233].

Некоторую путаницу мы наблюдаем и при рассмотрении суффикса *-auni*, где приводятся этнонимы *Ligauni*, *Segovellauni* и *Vellauni* – дело в том, что два последних

примера содержат известное галльск. *\*uellauno-* ‘власть, правитель’ vel sim. (ср. др.-ирл. *follnathir* ‘правит’ и, далее, др.-корнск. *gulat* gl. *patria*, др.-валл. личные имена *Cat-guollaun*, *Iud-guollaun* и *gulat* gl. *regia*). Первый же из приведенных примеров, также (вероятно) кельтский, действительно содержит рассматриваемый суффикс. Однако происхождение суффикса, которое ряд ученых возводит к кельтскому *\*-āmn*, продолжает вызывать дискуссии. В этой связи уместно будет вспомнить и об анализе племенного названия *Anauni* (Италия): согласно П. Де Бернардо его следует интерпретировать как ‘оставшиеся’ (< *\*anh-mn-oi*, ср. ирл. *anaid*), см. также [De Bernardo Stempel 2008a: 104], где приводится сравнение этого этнонима на семантическом уровне с лигурск. *Statielli*. Однако Г.Р. Айзак (PNPG, s.v. *anauo*) возводит этническое название к галльск. *\*anauo-*, соответственно ‘богатое (племя)’. Однако и в данном случае все не так просто. Если этноним *Ligauni* все-таки не является кельтским, а лигурским («средиземноморским» [Barrauol 1999: 141]), то его можно было бы сопоставить с другим племенным названием, считающимся лигурским – *Ingauni* (Strabo IV, 6, 1 и т. д.<sup>17</sup>). Если оба они являются лигурскими по происхождению (кельтская этимология последнего, впрочем, предложена в работе [De Bernardo Stempel 2005b: 106]; ср. [De Bernardo Stempel 2006a: 46], однако выглядит недостаточно убедительной), то нам остается только гадать о его морфологической структуре, и в любом случае, выделение на этой основе «лигурского» суффикса *-auni* – как это делает Барруоль – представляется неоправданным.

Сходные вопросы вызывает и выделение суффикса *-turi(i)* – если первый из двух приводимых Г. Барруолем примеров (*Egiturii*) является лингвистически энigmatическим, то этноним *Nemeturii* сразу же заставляет вспомнить об известнейшем галльск. *\*nemeto-*, хорошо представленным в топонимике, ср. в этой связи племенные названия *Nemetatōi* (Испания) и *Nemetes* (Германия), а также географические названия *Nemetacum* (совр. Arras во Франции), *Nemetobriga* (*Trives Viejo* (*Puebla de Trives*) в Испании) или *Nemetodurum* (*Nanterre*, Франция), см. [DCC, s. vv.; De Bernardo Stempel 2005a: 76] в связи с морфологическим анализом галльского слова. Следует, впрочем, отметить, что *-urV-* остается в центре дискуссий (ср. [Villar, Prósper 2005: 32–37]), а компонент *\*nemet-*, в принципе (см. [Sims-Williams 2007: 309–310]), может быть и некельтским<sup>18</sup>. Уместно также напомнить, что Барруоль считает оба эти этнонима некельтскими. Не все однозначно и с приводимыми этим автором этнонимами на *-ntii*: резонно признанный Барруолем кельтский этноним *Sentii* относится все-таки к группе племенных названий на *-ii* (ср. галльск. *\*sentos* ‘путь, дорога’), а *Sogiontii* рассматривался целым рядом ученых как лигурский. Этноним же *Vediantii*, по крайней мере, допускает кельтскую интерпретацию, а в современной кельтологической литературе рассматривается как собственно галльский. Об этих этнических названиях см. [DCC, s. vv.] с приведенной там литературой. Таким образом, в этой подгруппе скорее всего некельтскими оказываются только два этнонима *B(r)odiontii* и *Sogiontii*. Понятно, что суффикс, с помощью которого образуются эти этнонимы, достаточно распространен в европейской этнонимике. Отметим, что, согласно наблюдениям Г. Барруоля [Barrauol 1999: 142], этнонимы с этим суффиксом часто встречаются на юго-востоке Галлии.

В списке Барруоля весьма частотными являются этнонимы на *-ates*, и автор [Ibid.: 141] резонно отмечает, что их присутствие не ограничивается собственно лигурской территорией. Однако сам этот список нуждается в определенной ревизии. Часть этих племенных названий может иметь кельтское происхождение<sup>19</sup>, а приводимое автором

<sup>17</sup> Согласно В.П. Будановой [Буданова 1991: 100], «ингавны» – «жители итальянского города Альбингаунума»; это положение не нуждается в комментариях.

<sup>18</sup> Соответствующее имя в надписи *Mi Nemeties* на камне из Генуи (V в. до н. э.) считается многими исследователями кельтским, ср. [De Bernardo Stempel 2006a: 49]. См., впрочем, более осторожный подход, например, в работе [Agostinetti 2004: 231] и собственно этрусский в [Bats 2003: 152 (библ.)].

<sup>19</sup> См. [DCC, s. vv.] *Deciates*, *Dexivates*, *Edenates*, *Quariates*; два первых признаны безоговорочно кельтскими Г. Барруолем. Примечательно, что Плиний (HN III, 5, 47) считает первое из приведенных здесь племен лигурским.

Gaesates не является, собственно говоря, этнонимом (см. [Фалилеев 2009б: 520–522]). Рассмотренные здесь Adūnicates и Savincates могут, на первый взгляд, свидетельствовать в пользу выделения компонента сложных имен *-cates*; впрочем, морфологический облик второго из приведенных здесь этнонимов скорее свидетельствует о суффиксальном его образовании, см. в этой связи выше по поводу суффикса *-ink-*. Нельзя не согласиться с Барруолем, что этнонимы с суффиксом *-ates* не являются эксклюзивно лигурскими; о суффиксе в кельтском см. [Фалилеев 2009б: 522] и приведенную там дальнейшую библиографию и ср. в более широкой перспективе [Тохтасьев 2005: 72–78]. Согласно Г. Барруолю, «в отличие от этнических названий на *-enses* <...> обозначающих только обитателей данного города, в Галлии этнонимы на *-ates* означают собственно племена, даже если в их основе лежит название населения по названию населенного пункта» [Barrauol 1999: 141]. Суффикс *-enses* встречается в целом ряде этнонимов, например, Samnagenses, Caenicensis (приведенная Барруолем форма Vaigientes по понятным причинам сюда не относится), и вычленение аффикса позволяет выделить еще целый ряд некельтских лексем. С помощью еще одного распространенного суффикса *-ani(i)-* образована другая группа этнических названий: Bormani, Briciani, (V)esubiani и Comani, которые рассматриваются Барруолем (за исключением последнего) как кельтские. В этой связи следует отметить, что лингвистическая атрибуция этнонима (V)esubiani остается спорной (см. [DCC: 234]), а этническое название Comani может иметь и кельтское происхождение, к префиксу *\*kom-*. Об этой модели в кельтском топонимическом ландшафте см. [PNPG, Possible Celtic elements, s.v. *coto-*]. Таким образом, и эта подгруппа остается достаточно проблематичной.

Большее количество материала для исследования представляет собранная Барруолем группа этнонимов на *-ini(i)*, однако и здесь нужно внести некоторые поправки. Так, Ecdinii, contra Барруоль, может быть рассмотрено как кельтское племенное название (ср. [De Bernardo Stempel 2008a: 107 fn. 67 (библ.)]), а Segusini, похоже, следует анализировать как производное от топонима Segusio. Компонент *\*sego-*, несомненно, весьма частотен в континентальной кельтской топонимике, но в этой связи следует обратить внимание на особенности морфологии рассматриваемого топонима. Дело в том, что модель на *-sio* в кельтских географических названиях достаточно проблематична. Так, Akousion (Montélimar во Франции) хотя и допускает кельтскую этимологию, но рассматривается как некельтский индосвропейский Кс. Де Хозом [De Hoz 2005: 178–179]. Avisio (обычно ассоциируемый с Cale St-Laurent), может также быть кельтским по происхождению (к галльск. *\*au-*), но это отнюдь не обязательно. Elusio (Montferrand), остается в любом случае проблематичным, а Salisio (Bad Salzig, Германия), где поиск лигурских топонимов неоправдан, теоретически может быть возведен к кельтск. *\*sal-* (который может, вероятно, быть атрибутирован и иным наречиям), однако ср. здесь и личное имя Salius [CIL XII, 4469]. Топоним Alision интерпретируется как *\*ali-sya* одними исследователями [De Bernardo Stempel 2005a: 88], но как *\*alis-ya* другими (ср. [DLG: 38f.] и см. по поводу суффикса в кельтском [Villar, Prósper 2005: 173–176]). Этноним Taurini, вопреки Барруолю (однако см. попытку доказать обратное в работе [De Bernardo Stempel 2008a: 102 (библ.)]), которая, впрочем, не встретила поддержки у большинства исследователей), скорее всего, не является кельтским, в то время как Verucini, действительно скорее лигурский, может иметь и кельтскую этимологию. Таким образом, эта группа дает нам Memini и Veaminii, а также, возможно, Segusini и Verucini; Taurini остаются загадочными.

При рассмотрении этнонимов на *-oni(i) / -ones*, приводимых Барруолем [Barrauol 1999: 142], который, между прочим, отмечает, что суффикс известен, кроме лигуров, германцам и кельтам, необходимо учесть следующие замечания. Во-первых, все приведенные формы за исключением Usenii и Nemaioni(i) допускают кельтскую интерпретацию, и в любом случае эти оставшиеся два племенных названия, скорее, относятся к группе на *-ii*. В эту группу, согласно исследователю, входит целый ряд некельтских этнонимов, но в реальности они все (Anatili, Nerusii, Oxubii, Reii, Sallivii) могут быть теоретически и кельтскими по происхождению, и часть из них построена по иной

модели. Так, согласно П. Де Бернардо Штемпель ([De Bernardo Stempel 2006a: 46] со ссылками на ее более ранние работы), *Nerusii* < \**ner-usii* 'the manly ones', *Salluvii* < *Sallui* < *Salues* < \**s/wes* 'the own ones' (ср. *Sucbi*, о сходной мотивации в кельтских этнонимах ср. недавно [Фалилеев 2006: 306–310]), *Oxubii* 'обитатели высоких мест' (или 'олени-убийцы'). Эти этимологии вызывают ряд сомнений. Так, в случае с салювиями исследовательница выпускает из вида то, что используемые ею варианты названия относятся к разным традициям (см. в связи с этим – недавно – [Thollard 2009: 127]), и без тщательного анализа засвидетельствованных форм, учитывающего особенности и вокализма, и консонантизма, и самой мофологической конфигурации, предложенный анализ выглядит достаточно произвольным. Выделение этой исследовательницей последовательности *-usii* в этнониме *Nerusii* не находит параллелей в кельтском корпусе – можно в этой связи напомнить, что А. Хольдер анализировал его как *Nēr-ūs-īi*, ссылаясь на Д'Арбуа по поводу его лигурской атрибуции [Holder II: 726]. В связи с кельтской этимологией *Oxubii* ср. также (лигурский – ?) этноним *Orobii* (*Orumobii*, *Orumbovii*), см. [Petracco Sicardi 1981: 60] и ср. свидетельство Плиния (HN III, 5, 47) о его лигурской атрибуции.

В список этнонимов на *-ici* Г. Барруоль включает единственный, с его точки зрения, нескельтский *Camaetulici*, однако кельтская этимология остальных племенных названий (*Albicci*, *Avatici*, *Avantici* и тем более *Bodiontici*) хотя и возможна, но необязательна. При этом следует учитывать то, что эта модель достаточно частотна в собственно кельтской этнонимике, ср. *Celtici*, *Limici*, *Mediomatrici*, *Vindelici*, *Volcae Agescimici*; см. [DCC, s. vv.]. С предложением автора [Barruol 1999: 142] видеть в этом суффиксе повсеместно «латинизацию» первоначального *-ii* (*Brodiontii* > *Brodiontici*) трудно согласиться. Барруоль также выделяет в особую группу несколько этнонимов с суффиксами, не попадающими в другие разделы. Сюда он относит и кельтский этноним *Gallitae*. Обоснование тому прозрачно и лежит на поверхности – галльск. \**gallo-*, представленное в таких известных этнонимах, как *галлы* и *галаты* давно и хорошо известно. Впрочем, при анализе данного племенного названия как кельтского возникает ряд сложностей, который следует всецело учесть. Во-первых, во всех аттестациях (*Gallitae*, var. *-tre* (Plin. HN III, 20, 137), *Gallitae* [CIL V, 7817]) этноним содержит *-i-*, что заставляет вспомнить о латинизированных (исходно кельтских) географических названиях, таких как *Gallicum*, *Gallicum Fretum*, *Gallicum Mare* или *Oceanus Gallicus*. Суффикс же *-itV-*, достаточно редкий, мы, возможно, находим в этнониме *Samnitai*, который, согласно Г.Р. Айзаку [PNPG], восходит к \**samno-itá*, однако выделение компонента *samno-* в качестве возможно кельтского компонента (из и.-е. \**sm̥-ni-*, cf. готск. *samana* 'вместе') на сегодняшний день не подтверждается ни рудиментарными данными древнекельтских языков, ни островными кельтскими параллелями. Более того, в этой связи следует обратить внимание и на этноним *Samnites* (*Tarentum*), кельтская языковая принадлежность которого исключена. Этноним же *Coriosolitae*, несмотря на видимую схожесть, сюда не относится, см. [DCC: 108]. Можно также вспомнить в этой связи и о *Gallitalutae*, помещаемых авторами древности на берегу Персидского залива и никакого отношения к *галлам/галатам* не имеющих. Из признанных некейтскими Барруолем этнонимов несколько допускают все-таки кельтскую интерпретацию, хотя однозначно считать их кельтскими достаточно затруднительно: *Graiocelli*, *Medulii*, *Tricastini* и *Tritolli* (см. [DCC s. vv.]). Исходя из лингвистической некейтскости к лигурскому слою этнонимии региона можно, таким образом, отнести целую группу племенных названий (например, *Albieis*, *Mcnimi*, *Nearchi*, *Nemaionii*, *Oratelli*, *Sogiontii*, *Triulatti(i)*, *Suetri*, *Segusini*, *Veamini*, *Verucini*, *Ucemi*, возможно *B(r)odiontii*, *Ligauni*, *Salyes* и т. д.).

Расширение территории поиска некейтских этнических названий лигурского географического ареала несомненно увеличивает их количество, ср., например, *Binbelli*, *Caudalasci* или *Dectunines* из итальянской Лигурии (о них см. [Petracco Sicardi 1981: 38, 43–44, 48] соответственно), однако материала для собственно лингвистического анализа лигурского языка оно не дает. Как мы видим, оформление (возможно) лигурских этнонимов в большинстве случаев сопоставимо с кельтскими и несомненно имеет

параллели в иных и.-с. языках. Можно, впрочем, отметить использование суффиксов *-uri*, *-usi* или *-asca* (в *Caudalasca*, о суффиксе см. выше), или суффикса на *-ell-*, традиционно выделяемого лигуроведами (ср. [Ibid.: 24]). Впрочем, в последнем случае, как представляется, быть совершенно уверенным в правильности избранного словоделения (Binbelli, Maielli, Statielli, в том числе и в связи с постулируемым для этого региона *\*ua > ue*) нельзя. Столь же опасным может быть и вычленение общих частей для композитов – так, на первый взгляд, было бы резонно выделить компонент *\*cini* на основании этнонимов *Verucini* и *Lapescini* или *\*mini* – на основании *Memini* и *Veamini*. И тот, и другой компонент может в принципе иметь индоевропейскую этимологию, однако никаких гарантий в правомерности их выделения быть, как представляется, не может. Знание морфологической структуры лигурских этнонимов, конечно, позволяет выделить, насколько это возможно, лигурские апеллятивы (этнические названия, образованные от топонимов, здесь, естественно, не рассматриваются), однако любая попытка их этимологизации а priori будет всего лишь направлена на поиск созвучного индоевропейского корня в [IEW] или [LIV], и о степени гадательности таких построений, равно как и об их релевантности, можно рассуждать долго. Аналогичным образом обстоит дело и с этимологическим анализом лигурских топонимов. Однако в этом случае, как будет показано ниже, несколько более продуктивным может оказаться исследование ряда гидронимов.

Несмотря на объективные сложности интерпретации лигурских данных, исследователи упорно делают попытки установить хотя бы некоторые особенности исторической фонетики этого рудиментарного языка<sup>20</sup>. Достаточно подробно останавливается на вопросах (исторической) фонетики лигурского Дж. Петракко Сикарди [Petracco Sicardi 1981a]. Анализ древней топонимики северной Италии позволил выделить, согласно этой исследовательнице, несколько фонетических черт лигурского, отличающего его от кельтского. Ими являются: 1) чередование *ē* и *ī*, а также тенденция к переходу первого звука во второй перед назальным; 2) долгое *\*ē*, давшее галльское *ī*, соответствует *ae* в лигурском; 3) долгое *\*ō* сохраняется, как сохраняются и дифтонги на *-i*, дифтонг *ei*; особое развитие имеет дифтонг *\*ou*; 4) в консонантизме особенностями считаются сохранение *\*st* и *\*p*, и переход *\*g<sup>wh</sup>* в *b*; вопрос о судьбе и.-е. *\*k<sup>u</sup>* в лигурском остается открытым (см. [Petracco Sicardi 1981a: 91–93]). Рассмотрим несколько подробнее эти выводы в увязке с топонимическими свидетельствами *sup specie celto-liguricae*.

Первая из приведенных особенностей иллюстрируется примерами, для которых вполне вероятна лигурская принадлежность, однако их анализ требует некоторого комментария. Действительно, *Vindupale / Vendupale* (о котором см. выше) может в принципе служить для иллюстрации перехода *i* в *e* перед сочтанием назального с согласным, и лигурская языковая принадлежность этого гидронима является общепринятой. Однако противопоставление этого фонетического развития кельтскому представляется неоправданным – для галльского (и других ранних кельтских языков) известно чередование *i/e* в этой позиции, см. [McCone 1996: 55–56 (библ.)]. Приводимые в этой связи лигурские топонимы *Bitunia* и *Bittelus*, которые, согласно предположению Дж. Девото (ср. [Devoto 1962: 205–206]), содержат историческое краткое *e*, также несколько проблематичны: географические названия на *bitu-* очень распространены в кельтском ономастическом ландшафте, и хотя морфология именно этих топонимов остается с кельтской точки зрения несколько затемненной, возможность их переосмысления на галльской почве нельзя не принимать во внимание. Однако самым важным в этой связи остается вопрос: а действительно ли эта пара топонимов содержит историческое краткое *e*, и этот

<sup>20</sup> См. например [PID: 589–590], где приводятся ссылки на еще более ранние работы, достаточно некритическую попытку комплексного представления звукового состава лигурского в статье [Nigunuma 1986: 209–211], не учитывающей значительный пласт литературы, но все-таки опубликованной в престижном и.-е. журнале, исследование Дж. Девото [Devoto 1962] и ответ на него М. Лежена [Lejeune 1972] или краткую сводку данных в работе Дж. Петракко Сикарди [Petracco Sicardi 1981: 26–27].

же вопрос не может не возникать при анализе остальных приводимых здесь примеров (гидроним Trebia / Triuca и т. д.).

Вторая особенность лигурского материала – переход долгого \*ē (давшего галльское ī) в ae, ср. также [Petracco Sicardi 1981: 26] – иллюстрируется целым рядом примеров. Примечательно, что некоторые из них, на первый взгляд, заставляют задуматься о возможности позиционно обусловленного явления: Laeui, Lacuelis, Laeuia (с отмеченным автором a в Λάοι; следует учесть отличный последующий звук). Приведенный автором в этой статье единственный пример, где мы находим -ae- не в позиции L\_\_U – а именно Caertiema – вызывает множество вопросов. Петракко Сикарди разделяет предложенную ранее этимологию этого географического названия, согласно которой оно восходит к \*kēpto-iema, см. [Petracco Sicardi 1981a: 74 (библ.)] Выделение суффикса -iema в связи с вышесказанным кажется весьма правдоподобным; сомнение же вызывает этимология основы, которая была возведена к и.-е. \*kəp- (признанном апофоническим вариантом известного корня) и сопоставлена с лат. *campus*. По понятным причинам, в первую очередь из-за отсутствия возможности верификации в данном случае едва ли представляется возможным анализировать этот топоним в связи с рассматриваемым явлением, а список лигурских форм с -ae-, публикуемый в [Petracco Sicardi 1981], содержит еще несколько топонимов с этим дифтонгом (например, Craedilium, Caenia), чья этимология также может быть сомнительной. В связи с этим следует обратить внимание на кельтские географические названия, содержащие -ae-.

Досье кельтских форм с -ae- достаточно ограничено и в целом противоречиво. Понятно, что по определению в него должны входить географические названия, восходящие к апеллятивам, содержащим дифтонг ai. Так, сюда относится галльск. \*cae/ito-, cēto- ‘лес’ (о котором см. [DCC: 12]), однако соответствующие топонимы преимущественно отображают вариант с монофтонгом, ср., впрочем, дублетные написания раннего названия современного города Setúbal в Португалии, Κατόβριξ (Ptol. II, 5, 2) и Catobrica [IA 417, 1], Cetobricca (Rav. 4, 43). Этноним Baetasii (Германия и Нидерланды, ср. Baetasi Plin. HN IV, 17, 106) еще Турнейзенем сопоставлялся с др.-ирл. *baith* ‘глупый’, однако известна и его германская этимология, к герм. \**baita*, cf. готск. *baitrs* ‘горький’. Другой этноним – Caecosi (Галлия, Caecosos (var. caeroesos, cerosos) Caesar BG II, 4.10) – был проинтерпретирован как ‘пастухи’, *caer-* + *-ōsī* (ср. др.-ирл. *caera*, лат. *caper*), см. [IEW: 519, DLG: 97]. Понятно, что известны и чисто графические смешения, как в случае с античным названием современного Vieux во Франции – Acaegeue [TP 1, 2], которое этимологически восходит к кельтск. \**are-* и \**geniā*, и ошибочное написание топонима с ae в этой аттестации подтверждается и свидетельством текста «Географии» Птолемея (Ptol. II, 8, 2). Речное название Aenus (совр. Inn в Австрии и Германии, ср. также Pons Aeni, Pfaffenhofen am Inn), если оно является кельтским, возможно, восходит к кельтскому \**Enos* (< \**penos*, cf. др.-ирл. *en* ‘вода’), но оно может быть и докельтским по происхождению. Очень сложным для интерпретации остается этноним Saevates (Австрия и Италия), в том числе и с географической точки зрения. Согласно Г.Р. Айзаку [PNPG (комментарий s.v. *Seoiakes*)], его следует анализировать как \**seuo-ak-*. Впрочем, этот исследователь не дает комментариев к предложенной реконструкции, и этноним все-таки остается без достаточно обоснованной интерпретации. Гораздо больше примеров дает испано-кельтский материал – можно в этой связи вспомнить об известном кельтиберском суффиксе -aik-, встречающемся в местных топонимах (см. [DCC: 6] и также ср. [DCC: s. vv.] Brigaecium, Callaeci Bracari, Callaeci Lucenses, Callaecia, с библ.). Однако имеются более сложные случаи (см. их обсуждение в [DCC s. vv. *Alebaece Reiorum Apollinarium, Laetania, Praestamarci, Salaeni* и *Uxama (Argaela)*]). В любом случае частотность использования дифтонга (диграфа) -ae- в корнях географических названий, признаваемых лигурскими, существенно выше, чем в соответствующих кельтских. Конечно, этимология лигурских топонимов остается загадочной, однако эта черта лигурского материала действительно оказывается достойной внимания.

Тут же можно обратить внимание на то, что, как отмечает Дж. Петракко Сикарди, в лигурском материале наблюдается дифтонг -ei-, сохранившийся в кельтиберском и

лепонтийском, но монофтонгизированный в галльском. Справедливости ради следует отметить, впрочем, и то, что исследователь указывает и на варианты аттестации этих географических названий с монофтонгами, *Veiturios / Vituries, Veituris / Veturis* [Petracco Sicardi 1981a: 92], что значительно осложняет картину. При этом нельзя упускать из вида и тот факт, что в галльских текстах мы находим написания с *ei* для обозначения целого ряда фонем; см. в этой связи важные соображения А.А. Королева в [Калыгин, Королёв 1989: 79–80], ср. [Sims-Williams 2007: 314]. Сохранение старого *-ei-* в лигурском (в противопоставлении галльск. *-oi-*), похоже, также не может быть признано отличительной чертой лигурского материала, см. для галльского [Калыгин, Королёв 1989: 80; Фалилеев 2003: 213–214] и ср. [De Bernardo Stempel 2006b: 47]. Некоторые наблюдения над судьбой дифтонга *-oi-*, собственно, некорректны, так как приводимые данные являются по большей части кельтскими по происхождению, см. [DCC: s.v. Genua]. Количество же приводимых автором примеров написаний *-oi-/au-* в этимологически кельтских топонимах можно значительно увеличить, ср., например, *Lausonna* (Rav. 4, 26), совр. Лозанна и *vikanor Lousonnensium* [CIL 13, 5026] или *Sidoloucum* [IA 360, 3], возможно, совр. *Saulieu* во Франции и *Sedelaucum* (var. *scde lauco, sedes leucorum*) (Amm. Marc. 16, 2, 3).

Положение, согласно которому в лигурском, в отличие от галльского, долгое *\*ō* сохраняется, кажется весьма проблематичным, и в первую очередь в связи с примерами, которые должны, по мнению автора, иллюстрировать это фонетическое развитие. Так, первая иллюстрация – ороним *Iouentiōnem* (асс.) – показывает включение этого географического названия в латинскую грамматическую систему, и не надо забывать и о том, что согласно Дж. Бонфанте, он сопоставим с лат. *iucnis*; см. [Petracco Sicardi 1981a: 74 (библ.)]. Второй же приводимый здесь пример – *Tuledōnem* – между прочим, позволяет и кельтскую интерпретацию. Для первой части этого композита ср. реконструкцию галльск. (в топонимике) *\*tullo-* ‘дыра’ (< *\*tuk-slo-* < *\*teuk-*) Г.Р. Айзаком [PNPG], что, впрочем, несколько проблематично, но ср. также галльск. эпитет в *Mars Tritullos* etc. Во второй части же этого географического названия можно увидеть написание известного галльского топоформанта *\*-dūno*, возможность чего подтверждается целым рядом сходных аттестаций, как например *mutatio Cardono* [IB 562,3] (*Gradina* в Хорватии, ср. *Καρρόδουνον* (Ptol. 2,14,4)); *Lugdunum* (var. *lugdono, ludunum*) [IA 358,5] (античное название Лиона), *Virodunum* (var. *virodonum*) [IA 364,3]; *Ciuitas Uerodunensium* (var. *uerodentium, uirdoninsium, uerudunensis, uerudunensium, uereduninsium, uerdonensium, uerodonensium, ueredinensium*) [NG 5, 5] (*Verdun* во Франции) или *Singidunum* (var. *Singidonium*) (Iord. Get. 55, 282) (Белград). Нельзя полностью исключить и возможность того, что существенно искаженным может оказаться и какой-нибудь иной галльский топоформант, см. в этой связи написание *Octodonum* (совр. *Martigny* в Швейцарии) вместо *Octodorum* (var. *Octodoro, Iuctodorum, Ocrodorus, Ucrodoro, Ortodorus*) в (NG 10, 3), или даже (хотя и менее вероятно) галльск. *\*donno-* ‘благородный’; см. в этой связи [DCC: s.v. *Turedonnum*]. При этом не следует, конечно, забывать и о возможности нескельтского происхождения первого компонента этого топонима, ср. в связи с этим спорность в этимологии таких географических названий как этноним *Tuliassi* (к северо-востоку от Trento в современной Италии), *Tullonium* (*Castillo de Henayo (Alegría)* в Испании) или *Tullum* (*Toul*, Франция); см. [DCC: s.vv]. Гипотеза же о переходе *\*ō* в *ī* в закрытых слогах в лигурском [Devoto 1962: 201f.; Lejeune 1972: 266] основывается на возведении топонима *Blustiemelus* к *\*bhlō-*, что может быть и ошибочным.

Неверным представляется и вывод автора о рефлексе индосвропейского слогового *\*n* в лигурском как *en* в отличие от галльского *an* [Petracco Sicardi 1981a: 92]. Это положение проиллюстрировано тремя примерами – *Argentia, Druentia* и *Iouentionem*, и даже если бы они и на самом деле могли серьезно быть ассоциированы с лигурским языковым материалом, то предложенный Петракко Сикарди анализ вызывает естественное недоумение, ср. в этой связи неоспоримо кельтские географические названия с территории Галлии *Darentiaca* (совр. *Saillans*) или *Derventum* (*Drevant*). На следующей странице автор делает вывод о том, что в отличие от галльского, лигурский сохраняет

сочетание *st*; тут следует заметить, что этот кластер встречается в кельтской топонимике и что приводимое автором как лигурское географическое название *Clastidium* является, скорее всего, кельтским; см. [DCC: s. vv. Tolistobogii и Clastidium]; по поводу же отражения и.-е. *\*st* в кельтском см. удачный обзор (с дальнейшими ссылками) в [Markey, Mees 2003: 128]. Подобным же образом постулируемый автором переход *\*g<sup>wh</sup>* в *b* в лигурском иллюстрируется, как представляется, собственно кельтскими и имеющими совсем другую этимологию данными, см. [DCC: 10–11]; данные с лигурских территорий были подробно обсуждены в работе Д'Арбуа де Жубанвиля, который также считал их лигурскими [D'Arbois de Jubainville 1894: 117–123], ср. также [Prosdocimi 1987: 568]. Как отмечает Дж. Петракко Сикарди, судьба и.-е. *\*k<sup>w</sup>*, давшего в галльском *p*, остается проблематичной. В этой связи следует отметить, вероятно, два момента. Во-первых, сохранение и.-е. *\*k<sup>w</sup>* в галльском давно уже отмечено (ср. гидроним *Sequana*), и тому существует целый ряд объяснений, см., например [Калыгин, Королёв 1989: 83–84] и [Sims-Williams 2007: 327–329]. Во-вторых, приводимые автором топонимы на *-celo* вряд ли могут считаться показательными лигурскими, а не кельтскими, см. анализ идентичного галльского топоформанта в [DCC: 14]. К вопросу о развитии этого и.-е. согласного в лигурском см. также [Prosdocimi 1987: 579 (библ.)]. Таким образом, единственное безоговорочное отличие лигурского на уровне исторической фонетики от галльского из всего списка, представленного итальянским исследователем, – это сохранение начального *p* (ср. *Porcobera*), что отмечалось еще на заре лигурских штудий, см. [PID: 590].

В связи с представленным списком лигуро-кельтских отличительных черт, который, в конце концов, чуть не стал практически списком лигуро-кельтских параллелей, здесь же следует рассмотреть вопрос и о переходе безударного *\*uo* в *ue*. Для собственно лигурского материала он обычно иллюстрируется парой топонимов *iugo Blustiemelo* и *fontem Lebriemelum* (оба из *Sententia Minuciorum* [CIL V, 7749]). Это фонетическое развитие, определенное для географических названий лигурского региона, было отмечено еще Дж. Девото и М. Лежёном (см. [Lejeune 1972: 265–267]). Однако П. Де Бернардо Штемпель [De Bernardo Stempel 2006a: 45–46 ff.], отстаивающая идею лингвистически кельтского «кельто-лигурского», посчитала эту черту примером регионального кельтского развития. Для иллюстрации этого явления исследовательницей были использованы три топонима с лигурских территорий: *Nitielum* был сопоставлен с отчетливо галльским этнонимом *Nitiobroges*, Βαδιέννων – с *Ba(d)iocasses*, а ороним *montem Berigiema* возведен к более раннему кельтскому *\*Bérigimā*. Последний из приведенных примеров нарушает правила исторической фонетики и вряд ли здесь релевантен: ороним издавна считался лигурским, а не кельтским, см. ниже. Первый же из примеров, скорее всего, основывается на случайном созвучии: географические названия на *-elium* хорошо известны в некельтской топонимике региона, а суффикс *\*-el(i)o-* распространен и в собственно лигурском, см. [Petracco Sicardi 1981: 24–25]. И, наконец, предложенная Де Бернардо Штемпель кельтская этимология для Βαδιέννων кажется несколько гадательной. Сопоставляемый с этими данными испано-кельтский материал, вероятно, требует некоторой ревизии, однако то, что мы наблюдаем, – это развитие в собственно лигурских топонимах, представляется достаточно реальным, по крайней мере, более подтвержденным, чем падение *\*s*, о котором см. выше.

Анализ лигурской фонетики *sub speciae indogermanicae* позволил в свое время исследователям (см., например [Devoto 1962; Lejeune 1972; Petracco Sicardi 1981: 26–27]) выделить несколько черт этого языка, которые не рассматривались выше *sub specie celto-liguricae*. К ним, между прочим, относится и чередование *δ/ι* в открытых слогах перед лабиальным, установленное при анализе двух лигурских топонимов. Я рассматриваю это явление в отдельной работе, посвященной гидрониму *Vindupalis*. Здесь же можно только отметить, что существуют и другие попытки объяснения этого феномена. Не вызывает сомнений постулирование перехода *\*b<sup>h</sup>* в *b* и (в отличие от лепонтийского) сохранение старого *\*-nd-*. Попытка же установить рефлексy слоговых *\*r* и *\*n* в лигурском основывается на *ad hoc* этимологиях привлеченных для этих целей топонимов. По этой же причине представляется недоказуемым развитие *\*-tw-* > *-tt-*.

Как видно из вышеизложенного, попытки выделения морфологических и фонетических особенностей лигурского языка, в частности, в сравнении с кельтским, по известным причинам не приводят к каким-либо весомым результатам. Впрочем, представляется, что не до конца была использована еще одна возможность некоторого приближения к реконструкции истории лигурского, отмечавшаяся (но, как кажется, не до конца использованная) на всех этапах истории «лигуристики». Я имею в виду анализ географических названий, преимущественно из северной Италии и южной Франции, которые могут иметь индоевропейскую, но не кельтскую этимологию. В этой связи в ранней литературе обычно привлекались композиты. Конечно, многие из них остаются весьма проблематичными, что можно проиллюстрировать анализом топонима *Eturamina* (совр. *Piégut*). Географическое название не зафиксировано в античных источниках – самая ранняя его аттестация датируется 442 г., *Conc. Vasense civit. Eturamine*. Исследователи предлагали лигурскую интерпретацию топонима, и по понятным причинам ни одна из этих гипотез не может быть верифицирована. Однако, с точки зрения Кс. Деламарра [DLG: 168, s.v. (*etu-* ‘prairie’)], топоним может быть и кельтским. Деламарр предлагает морфологический анализ этого топонима, *\*ētu-rò-mīnā*, и переводит его (впрочем, со знаком вопроса), как ‘Prairie-très-Douce’. Даже принимая во внимание позднюю (и может быть, искаженную) аттестацию этого топонима, можно отметить некоторые проблематичные аспекты этой этимологии, в частности, связанные с вокализмом и общей морфологической конфигурацией. Иными словами, перед нами достаточно распространенный случай, когда лигурский анализ географического названия этого региона остается гадательным (естественно, в силу характера самих лигурских данных), а кельтский подход к его интерпретации сопряжен с рядом манипуляций, которые могли бы быть и уместны при анализе поздно зафиксированных данных в «собственно кельтском» анклав, но вызывают обоснованные сомнения в случае недостаточно уверенной лингвистической атрибуции материала.

Следует отметить, что многие композиты, традиционно рассматриваемые в этой связи, могут интерпретироваться по-разному, о чем будет сказано ниже. Более надежный анализ, как представляется, позволяет ряд гидронимов региона. Первый пример, который я планирую рассмотреть, действительно является композитом. Гидроним *Porcobera* [CIL V, 7749] var. *Procobera*, ср. *Porcifera* (Plin. HN III, 5, 48) практически единодушно интерпретируется как ‘лосося (с собой) несущий’ (ср. [Шмидт 2007: 7 (с библиографией)]). В скобках можно отметить, что попытка увидеть в варианте написания *Procobera* пример метатезы в лигурском (так [PID: 590]) кажется не вполне оправданной, а объяснение формы гидронима у Плиния может быть и иным, чем предложено в работе [Petracco Sicardi 1981: 67]. Уже долгое время его рассматривают как композит, в первой части которого видят рефлекс и.-е. *\*porko-* ‘лосось’, а во второй – известное и.-е. *\*bher-* ‘нести’<sup>21</sup>. В связи с сохранением и.-е. *\*p-* композит, вопреки мнению П. Де Бернардо Штемпель [De Bernardo Stempel 2006a: 47, 2006a: 49], не может быть кельтским. Как полагают (см. [Devoto 1962: 199–200; Tagliavini 1972: 91 (библиография)]), по этой же модели образован и гидроним *\*Gandobera*, в первой части которого видят доиндоевропейское название камня, гальки (см. [Meier-Lübke 1972: 314 (библиография)]). Впрочем, П. Де Бернардо Штемпель интерпретирует и этот гидроним как кельтский и полагает, что в первой его части находится слово ‘корабли’ [De Bernardo Stempel 2006a: 46]; о галльск. *\*ganda-* < *\*g<sup>h</sup>n<sup>5</sup>d<sup>h</sup>-o-s* (ср. [IEW: 437 f.]) см. [De Bernardo Stempel 2005a: 81, 91].

Примечательно, что рефлекс и.-е. *\*bher-* (возможно, в значении ‘течь’, как было предложено в известной работе Э. Хэмпа; ср. также [Delamarre 2006: 29], где кельтские формы, приведенные ниже, рассматриваются в увязке с и.-е. *\*bher(w)-* ‘bouillonner’ > ‘source’) исследователи находят и во второй части композита *Comberanca* [CIL V, 7749], собственно *\*kom-bero-*, ‘confluvium’ (ср. [Kretschmer 1905: 118; Krahe 1936: 254; Шмидт

<sup>21</sup> Ср. [Kretschmer 1905: 118; Krahe 1936: 254; Pisani 1953: 279; Petracco Sicardi 1981a: 75]; и.-е. основы морфологической структуры гидронима подробно рассмотрены в работе [Mariani 2003: 221 ff.].

2007: 7)). Это название ручья уже долгое время сопоставляется с этимологически тождественными кельтскими данными (ирл. *commar*, валл. *cymmer*, брет. *kemper*) и сравнивается с лат. *aquas conferre*. Немаловажно, что рассматриваемая модель («префикс» + рефлекс и.-е. *\*bher-*) весьма частотна именно в кельтском гидронимическом ландшафте (см., впрочем, [Wodtko et al. 2008: 25]). Композит оформлен (поздне)латинским суффиксом *-āneo-*, ср. [Mariani 2003: 223], и лигурская лингвистическая атрибуция этого названия, которая принята значительным количеством исследователей (см. [Petracco Sicardi 1981: 46]), в связи с вышесказанным кажется мне не самоочевидной.

В третьем лигурском композите, традиционно рассматриваемом в кругу данных, чья интерпретация кажется более или менее правдоподобной – орониме *Berigiema* [CIL V, 7749] – уже долгое время выделяется рефлекс и.-е. *\*g'heiem* ‘снег’ [IEW: 425 f.], однако интерпретация географического названия целиком может разниться. Так, большинство исследователей видит в первой его части рефлекс и.-е. *\*bher-* ‘нести’, соответственно ‘снег несущий’; так [Kretschmer 1905: 118; Krahe 1936: 253; Шмидт 2007: 7]. Другая точка зрения предлагает выводить ороним из известного и.-е. *\*bhergh-* ‘гора’ с использованием суффикса *(i)ema* или *-ie-ma* (ср. *Sacptiema* выше и см. ссылки в [Petracco Sicardi 1981: 37–38; Mariani 2003: 241 ff.; Wodtko et al. 2008: 169]). Синтез этих подходов мы, похоже, находим у Ф. Бальди, который переводит это географическое название (впрочем, со знаком вопроса) как ‘snow-mountain’ [Baldi 1983: 166]. Кроме того, известен и «кельтский» подход к анализу оронима. Согласно П. Де Бернардо Штемпель [De Bernardo Stempel 2006a: 46, 2008a: 188], его нужно возводить к более раннему кельтскому *\*Bérgiomā*, однако этот подход, очевидно, наталкивается на целый ряд сложностей (см. выше) и не может быть принят.

Как представляется, достаточно непротиворечивые этимологии могут иметь и некоторые несоставные речные названия, в первую очередь благодаря их более узкой семантической мотивации. К примеру, это гидроним *Магга* (совр. *Магра* на севере Италии в собственно Лигурии), хорошо засвидетельствованный в трудах античных авторов, см. ссылки в [Petracco Sicardi 1981: 61]. Сходные названия мы находим и в других ареалах древней Европы, см. (неполную) подборку примеров в [Pape, Benseler 1911: 845–846], к которой можно добавить, к примеру, и параллели из Австрии или Ломбардии, см. [Anreiter 1997: 37–39]. Речное название уже долгое время считается лигурским и возводится (наряду со ст.-слав. *мокръ*) к и.-е. *\*mak-* ‘наѣ, feuchten’ [IEW: 698]. Рефлексы этого и.-е. корня, похоже, неизвестны в кельтском, а подобное речное название, насколько мне известно, не зафиксировано на территории «латинской» Италии. Несколько сложнее обстоит дело с гидронимом *Roudelium* [Petracco Sicardi 1981: 69], содержащем весьма распространенный в лигурском ареале суффикс и традиционно возводимом к и.-е. *\*h<sub>1</sub>reudʰo-* [IEW: 872]. Рефлексы этого индоевропейского корня в галльской ономастике идентичны, ср. *Roudius*, *Ande-roudus*, однако морфологическая конфигурация может говорить в пользу лигурской атрибуции. Однако эта этимология противоречила бы достаточно распространенной идее о сохранении и.-е. *\*-eu-* в лигурском.

Приведенный выше анализ материала, как кажется, позволяет все-таки выделить некоторые особенности фонетической истории лигурского, или, по крайней мере, индоевропейского его слоя. В консонантизме лигурский отличается от кельтского сохранением и.-с. *\*p-* (ср. *\*porco-* в *Porcosoga*) и совпадает с ним (и многими другими языками) в развитии и.-е. *\*bʰ > b* (ср. уже [PID: 590]), см. рассмотренные выше географические названия, отражающие и.-с. *\*bher-* ‘нести’. Если *Vodincus* действительно восходит к и.-с. *\*bhudhno-*, то этот пример подтверждает переход *\*dʰ > d*. Эти же названия могут свидетельствовать о сохранении в лигурском и.-е. *\*k* (в том числе и перед *r* в случае с *Магга*), а также сонантов *\*r*, *\*m* и *\*n*. В отличие от лепонтийского (и как в галльском), старая комбинация *\*-nd-* сохраняется. Вопрос о судьбе слоговых и.-е. сонантов в лигурском остается, несмотря на попытки ряда ученых доказать обратное, открытым. Таким образом, придыхательные согласные придыхание утратили, а палатализованный ряд согласных, скорее всего, совпал с рядом непалатализованных. Можно также очень осторожно предположить, что и.-с. *\*kʰ-* утратил в лигурском лабиализацию. В вока-

лизме можно отметить сохранение (кратких) и.-е. *\*a* и *\*e* и, возможно, спорадическое сохранение *\*o* (с учетом низкой частотности графемы *o* во всем лигурском корпусе). Переход (позиционно обусловленный - ?) *\*u* в *o* может быть поддержан этимологией гидронима *Vodincum*. Как кажется, имеются также свидетельства в пользу чередования *i/e*; понятно, что какие-либо объяснения этого явления могут быть только гадательными. Отличительной особенностью лигурского корпуса можно признать частотность использования дифтонга (диграфа) *-ae-*, но его предыстория остается темной. К этому списку можно добавить и переход *\*uo* в *ue*; рассмотренная же выше гипотеза о переходе *\*s- > 0* вызывает слишком много вопросов.

В плане морфологии можно отметить, что лигурскому свойственен ряд типов композитов, реконструируемых и для индоевропейского. Развита в нем и суффиксация, в том числе и для морфологического оформления заимствований. Среди используемых суффиксов можно выделить имеющие индоевропейское происхождение: *-ink-*, *-isk-*, суффиксы на *-l-*, *-jo-* (см. подборку сведений о последних в работе [Petracco Sicardi 1981: 24–25]). Лигурский *par excellence* суффикс *-ask-* теоретически может быть возведен к индоевропейскому прототипу (что имеет надежные параллели в армянском), однако особенности распространения географических названий с этой морфемой в Западной Европе говорит все-таки в пользу его более раннего (вероятно, доиндоевропейского) происхождения. Вопрос о префиксации в лигурском (см. в этой связи анализ гидронима *Eniseca* в [Ibid.: 49–50], где приводится дальнейшая литература) остается открытым.

На первый взгляд, выделение столь минимального количества отличительных черт отдельного и.-е. языка может показаться парадоксальным. Однако здесь нельзя забывать о том, что мы имеем дело с ономастическим языком, и сама природа языкового материала не позволяет делать никаких далеко идущих обобщений. С другой стороны, сопоставление лигурского материала с более хорошо известным галльским (и лепонтийским) действительно, на первый взгляд, указывает на минимальные между ними различия, но этот вывод основывается лишь на анализе достаточно микроскопического фрагмента лигурской языковой системы (или, возможно, одной из систем, если в том, что мы называем здесь «лигурским» действительно сочетаются до- и индоевропейский слои). В этой связи можно напомнить и о том, что, к примеру, выделенные П. Анрейтером [Anreiter 2001] отличительные особенности другого языка, относящегося к категории *Rest- и Trümmersprachen*, – паннонского – находят удивительные параллели во фракийском, и это при том, что фракийский корпус языковых остатков лингвистически достаточно четко отличим от паннонского («иллирийского»); см. об этом [Falileyev 2002: 123–124]. Одно, впрочем, остается ясным: из-за сохранения старого *\*p-* лигурский (или индоевропейский слой лигурского, или «индоевропеизированная» часть лигурского корпуса) не может считаться какой-либо ветвью кельтского. Кроме того, эта же фонетическая черта, которую он разделяет, между прочим, и с лузитанским, не позволяет, как представляется, видеть в нем так называемый язык «паракельтского» круга (или даже собственно общекеельтского: в связи с этими понятиями см. [Sims-Williams 2007: 310]). Высказываться же в пользу промежуточного положения лигурского между итальянскими и кельтскими языками, как это было принято в свое время (ср. [PID: 590 (библ.)], было бы необоснованно: это положение не находит достаточного на сегодняшний день материального подтверждения. Однако отрицание самого факта существования индоевропейского (или индоевропеизированного) лигурского языка, отличного от кельтского, становится общим местом в трудах многих кельтологов последнего десятилетия, что представляется неприемлемым.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буданова 1991 – В.П. Буданова. Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М., 1991.
- Ерёменко, Щукин 1992 – В.Е. Ерёменко, М.Б. Щукин. Кимвры, тевтоны, кельтоскифы и некоторые вопросы хронологии рубежа среднего и позднего латена // М.Б. Щукин, О.А. Гей (ред.). Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992.

- Залесский 1958 – Н.Н. Залесский. Этруски в Лигурии // Вестник древней истории. 1958. № 1.
- Зеликов 2003 – М.В. Зеликов. Генитивно-релятивные отношения суффикса *-ko-* в контексте баскско-кельтских отношений // Язык и культура кельтов. Материалы IX colloquium. СПб., 2003.
- Калыгин, Королёв 1989 – В.П. Калыгин, А.А. Королёв. Введение в кельтскую филологию. М., 1989.
- Степанова 2000 – Л.Г. Степанова. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков. СПб., 2000.
- Сухачев 2002 – Н.Л. Сухачев. Теория стратов, языковое смешение и «объясняющая лингвистика» // Н.Н. Казанский (ред.). *Colloquia classica et indogermanica III*. СПб., 2002.
- Тохтасьев 2005 – С.Р. Тохтасьев. Проблема скифского языка в современной науке // V. Cojocaru (ed.). *Ethnic contacts and cultural exchanges North and West of the Black Sea from the Greek colonization to the Ottoman conquest*. Iași, 2005.
- Откупщиков 1988 – Ю.В. Откупщиков. Догреческий субстрат. Л., 1988.
- Топоров 1978 – В.Н. Топоров. Еще раз об и.-е. *\*budh-* (: *\*bheudh-*) // Этимология 1976. М., 1978.
- Фалилсев 2003 – А.И. Фалилсев. *Miscellanea onomastica* // Н.Н. Казанский (отв. ред.). *Индоевропейское языкознание и классическая филология 7*. СПб., 2003.
- Фалилсев 2006 – А.И. Фалилсев. Галльск. *s*, и.-с. *\*p* и некоторые аспекты интерпретации континентальных кельтских данных // Н.Н. Казанский (отв. ред.). *Индоевропейское языкознание и классическая филология 10*. СПб., 2006.
- Фалилсев 2009а – А.И. Фалилсев. Кельтские лингвистические остатки юго-восточной Европы: некоторые результаты и перспективы исследования // *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. 5. Ч. 1. (= Н.Л. Сухачев (ред.). *Балканское языкознание. Итоги и перспективы. Материалы румынско-русского симпозиума*.) СПб., 2009.
- Фалилсев 2009б – А.И. Фалилсев. Γαίζατος из Аполлонии: галлы на Балканах и некоторые вопросы кельтского именного словообразования // Н.Н. Казанский (отв. ред.). *Индоевропейское языкознание и классическая филология 13*. СПб., 2009.
- Фалилсев, в печати – А.И. Фалилсев. Некоторые вопросы лингвистической истории Нижней Галатии // *Acta Linguistica Petropolitana*, в печати.
- Шмидт 2007 – К.-Х. Шмидт. К концепции сравнительно-исторического анализа кельтского словаря // ВЯ. 2007. № 1.
- Agostinetti 2004 – P. Agostinetti. *Celti d'Italia. I. Archeologia, lingua e scrittura*. Roma, 2004.
- Anreiter 1997 – P. Anreiter. *Breconen, Genaunen und Fokunaten*. Innsbruck, 1997.
- Anreiter 2001 – P. Anreiter. *Die vorrömischen Namen Pannoniens*. Budapest, 2001.
- Azaretti 1977 – E. Azaretti. *L'evoluzione dei dialetti liguri*. Sanremo, 1977.
- Baldi 1983 – P. Baldi. *An introduction to the Indo-European languages*. Carbondale, 1983.
- Barruol 1999 – G. Barruol. *Les peuples pré-romains du sud-est de la Gaule. Etude de géographie historique*. Paris, 1999.
- Bats 2003 – M. Bats. *Ligyens et Salyens d'Hécatée à Strabon* // *Peuples et territoires en Gaule méditerranéenne*. Montpellier, 2003.
- Brugmann 1906 – K. Brugmann. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Bd. II/1. Strassburg, 1906.
- Cunliffe 1988 – B. Cunliffe. *Greeks, Romans and Barbarians. Spheres of interaction*. London, 1988.
- Cuno 1873 – J.G. Cuno. *Die Ligurer* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1873. Bd. 28.
- Curchin 2009 – L.A. Curchin. *Toponymy of Lusitania: myth and reality* // *Lusitânia romana: entre o mito e a realidade*. Cascais, 2009.
- D'Arbois de Jubainville 1894 – H. D'Arbois de Jubainville. *Les premiers habitants de l'Europe*. V. 2. Paris, 1894.
- De Bernardo Stempel 2000 – P. De Bernardo Stempel. *Ptolemy's Celtic Italy and Ireland: a linguistic analysis* // *Ptolemy. Towards a linguistic atlas of the earliest Celtic place-names of Europe*. Aberystwyth, 2000.
- De Bernardo Stempel 2005a – P. De Bernardo Stempel. *Ptolemy's evidence for Germania Superior* // *New approaches to Celtic place-names in Ptolemy's geography*. Madrid, 2005.
- De Bernardo Stempel 2005b – P. De Bernardo Stempel. *Additions to Ptolemy's evidence for Celtic Italy* // *New approaches to Celtic place-names in Ptolemy's geography*. Madrid, 2005.

- De Bernardo Stempel 2006a – *P. De Bernardo Stempel*. From Liguria to Spain: unaccented \*yo > (y)e in Narbonensic Votives ('Gaulish' δεκαντεμ), Hispanic coins (Iberian -(sk)en) and some theonyms // *Palaeohispanica*. 2006. T. 6.
- De Bernardo Stempel 2006b – *P. De Bernardo Stempel*. Language and the historiography of Celtic-speaking peoples // *Celtes et Gaulois. L'archéologie face à l'histoire* 1. Celtes et Gaulois dans l'Histoire, l'historiographie et l'idéologie moderne. Glux-en-Glenne, 2006.
- De Bernardo Stempel 2008a – *P. De Bernardo Stempel*. Linguistically Celtic ethnonyms: towards a classification // *Celtic and other languages in Ancient Europe*. Salamanca, 2008.
- De Bernardo Stempel 2008b – *P. De Bernardo Stempel*. Celtic settlements in the south of Germania Magna // *Celtic and other languages in Ancient Europe*. Salamanca, 2008.
- De Bernardo Stempel 2009 – *P. De Bernardo Stempel*. La ricostruzione del celtico d'Italia sulla base dell'onomastica antica // *L'Onomastica dell'Italia antica*. Rome, 2009.
- Del Lucchese, Gambari 2006 – *A. Del Lucchese, F.M. Gambari*. L'area alpine sud-occidentale e il mondo ligure // *Celtes et Gaulois. L'Archéologie face à l'Histoire*, 2. La préhistoire des Celtes. Glux-en-Glenne, 2006.
- De Hoz 2005 – *J. De Hoz*. Ptolemy and the linguistic history of the Narbonensis // *New approaches to Celtic place-names in Ptolemy's geography*. Madrid, 2005.
- De Hoz 2010 – *J. De Hoz*. L'écriture gréco-ibérique et l'influence hellène sur les usages de l'écriture en Hispanie et dans le sud de la France // *Grecs et indigènes de la Catalogne à la Mer Noire*. Paris, 2010.
- Delamarre 2006 – *X. Delamarre*. Gallo-Brittonica (suite: 11–21) // *ZCP*. Bd. 55. 2006.
- Delamarre 2007 – *X. Delamarre*. Noms de personnes celtiques dans l'épigraphie classique. Paris, 2007.
- Delamarre 2008 – *X. Delamarre*. 'Ηριδανός, le 'fleuve de l'ouest' // *Études Celtiques*. T. 36. 2008.
- Devoto 1962 – *G. Devoto*. Pour l'histoire de l'indo-européanisation de l'Italie septentrionale: quelques etymologies lépontiennes // *Revue de philologie, de littérature, et d'histoire anciennes*. T. 36. 1962.
- Evans 1979 – *D. Ellis Evans*. Labyrinth of Continental Celtic // *Proceedings of the British Academy* V. 65. 1979.
- Ernout, Meillet 1967 – *A. Ernout, A. Meillet*. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4-e éd. Paris, 1967.
- Falileyev 2002 – *A. Falileyev*. [Rec.:] *P. Anreiter*. Die vorrömischen Namen Pannoniens // *Acta Onomastica* 2002. V. 43.
- Falileyev 2007 – *A. Falileyev*. [Rec.:] *P. Freeman*. The Galatian language // *Celtica*. V. 25. 2007.
- Frisk 1954–1972 – *H. Frisk*. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. Heidelberg, 1954–1972.
- Fruyt 2002 – *M. Fruyt*. Constraints and productivity in Latin nominal compounding // *TPhS*. V. 100. 2002.
- Georgiev 1981 – *V. Georgiev*. Introduction to the history of the Indo-European languages. Sofia, 1981.
- Gorrochategui 2005 – *J. Gorrochategui*. Establishment and analysis of Celtic toponyms in Aquitania and the Pyrenees // *New approaches to Celtic place names in Ptolemy's geography*. Madrid, 2005.
- Hamp 1985 – *E.P. Hamp*. Indo-European 'Gerste, orge, barley' // *KZ*. Bd. 98. 1985.
- Hirunuma 1986 – *T. Hirunuma*. The dialects of ancient northern Italy: their positioning and significance // *JIES*. V. 14. 1986.
- Hubschmid 1966–1967 – *J. Hubschmid*. Die asko-/usko- Suffixe und das Problem des Ligurischen // *Revue Internationale d'onomastique*. T. 18, 19. 1966–1967.
- Jullian 1908 – *C. Jullian*. Histoire de la Gaule. T. I. Paris, 1908.
- Krahe 1936 – *H. Krahe*. Ligurisch und Indogermanisch // *Germanen und Indogermanen*. Heidelberg, 1936.
- Kretschmer 1905 – *P. Kretschmer*. Die Inschriften von Ornavasso und die ligurische Sprache // *KZ*. Bd. 37. 1905.
- Lejeune 1971 – *M. Lejeune*. Lepontica. Paris, 1971.
- Lejeune 1972 – *M. Lejeune*. Un problème de nomenclature: Lepontiens et Lépointique // *Studi Etruschi*. T. 40. 1972.
- Lubotsky 2001 – *A. Lubotsky*. Reflexes of Proto-Indo-European \*sk in Indo-Iranian // *Incontri linguistici*. T. 24. 2001.
- Mallory, Adams 1997 – *J.P. Mallory, D.Q. Adams*. Encyclopedia of Indo-European Culture. London; Chicago, 1997.

- Mariani 2003 – *M. Mariani*. Riflessi di tipi compositivi indoeuropei nella toponomastica ligure di epoca antico-romana: ipotesi sul tipo a primo membro verbale reggente // *Toponomastica ligure e preromana*. Recco, 2003.
- Markey, Mees 2003 – *T. Markey, T. Mees*. Prestino, patrimony and the Plinys // *ZCP*. Bd. 53. 2003.
- Matasović 2009 – *R. Matasović*. Etymological dictionary of proto-Celtic. Leiden; Boston, 2009.
- Mayrhofer 1986–2001 – *M. Mayrhofer*. Etymologisches Wörterbuch des Altindoeuropäischen. Bd. I–II. Heidelberg, 1986–2001.
- McCone 1996 – *K. McCone*. Towards a relative chronology of Ancient and Medieval Celtic sound change. Maynooth, 1996.
- Mees 2003 – *B. Mees*. Stratum and shadow. A genealogy of stratigraphy theories from the Indo-European west // *Language contacts in prehistory*. Amsterdam; Philadelphia, 2003.
- Meier-Lübke 1972 – *W. Meier-Lübke*. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1972.
- Mihailov 1987 – *G. Mihailov*. Le suffixe *-sk-* en Thrace // *Linguistique balkanique*. V. 30. 1987.
- Morandi 2004 – *A. Morandi*. Celti d'Italia. T. 2. Epigrafia e lingua dei Celti d'Italia. Roma, 2004.
- Müllenhoff 1892 – *K. Müllenhoff*. Deutsche Altertumskunde. Bd. III. Berlin, 1892.
- Olsen 1999 – *B.A. Olsen*. The noun in Biblical Armenian. Berlin; New York, 1999.
- Olsen 2009 – *B.A. Olsen*. [Rec.:] *J. Matzinger*. Untersuchungen zum altarmenischen Nomen // *Kratylos*. Bd. 54. 2009.
- Pape, Benseler 1911 – *G. Pape, G.E. Benseler*. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. 1–3. Braunschweig, 1911.
- Pelligrini 1983 – *G.B. Pelligrini*. Osservazione lessicali sulle lingue preromane dell'Italia superiore // *Le lingue indoeuropee di frammentaria attestazione*. Pisa, 1983.
- Petracco Sicardi 1981 – *G. Petracco Sicardi*. La toponomastica preromana e romana della Liguria // *G. Petracco Sicardi, R. Caprini*. Toponomastica storica della Liguria. Genova, 1981.
- Petracco Sicardi 1981a – *G. Petracco Sicardi*. Liguri e Celti nell'Italia settentrionale // *I Celti d'Italia*. Pisa, 1981.
- Pharies 1990 – *D. Pharies*. The origin and development of the Ibero-Romance *-nc-/-ng-* Suffixes. Tübingen, 1990.
- Philippon 1906 – *E. Philippon*. Provençal *-enc*; Italien *-ingo, -engo* // *Romania*. T. 35. 1906.
- Pisani 1953 – *V. Pisani*. Le lingue dell'Italia antica oltre il latino. Torino, 1953.
- Prosdocimi 1987 – *A.L. Prosdocimi*. Celti in Italia prima e dopo il V secolo a. C. // *Celti ed etruschi nell'Italia centro-settentrionale dal V sec a. C. alla romanizzazione*. Bologna, 1987.
- Prósper 1998 – *B.M. Prósper*. Indogermanisches bei einem ligurischen Wort: «Ex rivo Vindupale» // *BzNF*. Bd. 33. 1998.
- Rubat Borel 2006 – *F. Rubat Borel*. Nuovi dati per la storia delle lingue celtiche della Cisalpina // *Celtes et Gaulois. L'Archéologie face à l'Histoire*, 2. La préhistoire des Celtes. Glux-en-Glenne, 2006.
- Schmidt 1983 – *K.H. Schmidt*. Grundlagen einer festlandkeltischen Grammatik // *Le lingue indoeuropee di frammentaria attestazione*. Pisa, 1983.
- Sims-Williams 1998 – *P. Sims-Williams*. Celtomania and celtoscepticism // *CMCS*. V. 36. 1998.
- Sims-Williams 2006 – *P. Sims-Williams*. Ancient Celtic place-names in Europe and Asia Minor. Oxford, 2006.
- Sims-Williams 2007 – *P. Sims-Williams*. Common Celtic, Gallo-Brittonic and Insular Celtic // *P.-Y. Lambert, G.-J. Pinault* (eds). *Gaulois et celtique continental*. Genève, 2007.
- Sims-Williams 2009 – *P. Sims-Williams*. Celto-Iranica // *Exegisti monumenta*. Wiesbaden, 2009.
- Stokes 1873–1875 – *W. Stokes*. A conjectural emendation to Pliny // *Revue Celtique*. T. 2. 1873–1875.
- Tagliavini 1972 – *C. Tagliavini*. Le origini delle lingue neolatine. Bologna, 1972.
- Thollard 2009 – *P. Thollard*. La Gaule selon Strabon: du texte à l'archéologie. Paris, 2009.
- Tomaschek 1884 – *W. Tomaschek*. Miscellen // *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*. Bd. 9. 1884.
- Untermann 1989 – *J. Untermann*. Zu den Begriffen 'Restsprache' und 'Trümmersprache' // *Germanische Rest- und Trümmersprachen*. Berlin; New York, 1989.
- Untermann 2006 – *J. Untermann*. Ligurisches // *Studi linguistici in onore di Roberto Gusmani*. Alessandria, 2006.
- Vetter 1926 – *E. Vetter*. Ligures. Die Sprache der Ligurer // *RE*. Bd. XIII/1. 1926.
- Villar, Prósper 2005 – *F. Villar, B.M. Prósper*. Vascos, Celtas e Indoeuropeos: Genes y Lenguas. Salamanca, 2005.
- Vincis 1983 – *E. Vincis* (ed.). Le lingue indoeuropee di frammentaria attestazione. Pisa, 1983.
- Wodtko et al. 2008 – *D. Wodtko, B. Irslinger, C. Schneider*. Nomina im indogermanischen Lexikon. Heidelberg, 2008.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- CIL – *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Berolini 1863–  
DCC – A. Falileyev (in collaboration with A.E. Gohil, N. Ward). Dictionary of Continental Celtic place-names. Aberystwyth, 2010.  
DLG – X. Delamarre. Dictionnaire de la langue gauloise. Paris, 2003.  
Holder – A. Holder. Alt-celtischer Sprachschatz. Bd. I–III. Leipzig, 1896–1910.  
IA – O. Cuntz. Itineraria Romana. Volumen primus. Itineraria Antoninini Augusti et Burdigalense. Leipzig, 1929.  
IB – Itinerarium Burdigalense; см. IA.  
IEW – J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern, 1959.  
LIV – H. Rix et al. Lexikon der indogermanischen Verben. Wiesbaden, 2001.  
NG – O. Seeck (ed.). Notitia Dignitatum. Berlin, 1876.  
OLD – Oxford Latin dictionary. Oxford, 1968.  
PID – J. Whatmough. The Prae-Italic dialects of Italy. V. 2. The Raetic, Lepontic, Gallic, East-Italic, Messapic and Sicel inscriptions. Cambridge, 1933.  
PNPG – G.R. Isaac. Place-names in Ptolemy's geography. CD-ROM. Aberystwyth, 2004.  
TR – E. Weber. Tabula Peutingeriana. Kodex Vindobonensis 324. Graz, 1976.

### Сведения об авторе:

Александр Игоревич Фалилеев  
Институт лингвистических исследований РАН  
Department of Welsh, Aberystwyth University,  
Aberystwyth SY23 2AX